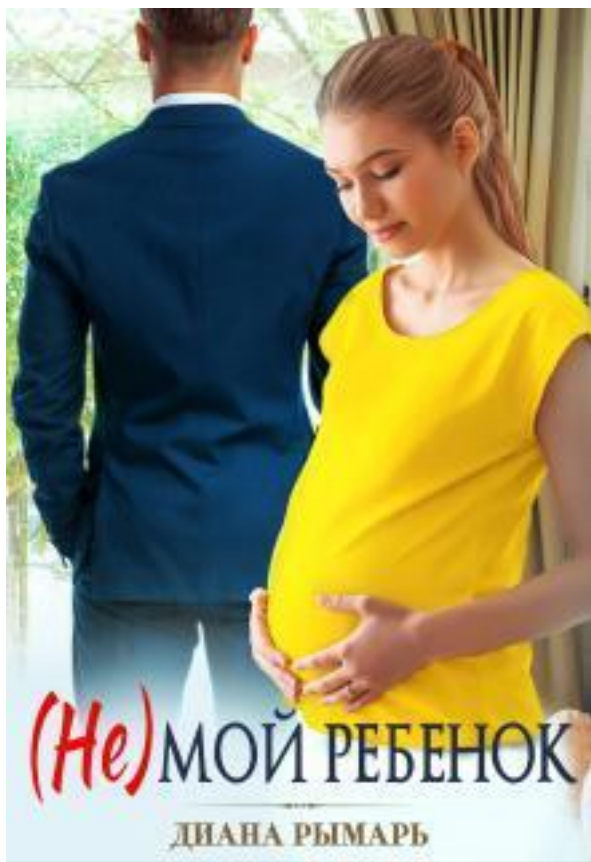

(He) МОЙ РЕБЕНОК

ДИАНА РЫМАРЬ

Диана Рымарь

(Не) мой ребенок

<https://litres.ru/74203393>

Аннотация

Я – достигатор, у меня все по плану. Идеальная жизнь: на работе я первый, жена - послушная красавица, почти модель. Жаль, только зачать не может. Но если я сказал, что мне нужен наследник, то он будет. Найти другую женщину на роль матери моего ребенка оказалось до смешного просто... Провинциалка без моральных принципов отлично подошла для моих целей. Я планировал забрать у нее сына и на этом все. До сих пор не могу понять, за каким чёртом мне понадобилось в нее влюбляться...

Содержание

Глава 1. Последний ужин	4
Глава 2. Побег	12
Глава 3. Достигатор	18
Глава 4. Под красным чесночным соусом	23
Глава 5. Долгожданный визит	29
Глава 6. Новая реальность	34
Глава 7. (Не) жертва	39
Глава 8. По кусочкам	48
Глава 9. Кукушка	53
Глава 10. Встреча	58
Глава 11. Свидетельство о разводе	70
Глава 12. Прелесть	75
Глава 13. Мышку в норку	79
Глава 14. Найти Мышь	84
Глава 15. Тесты	90
Глава 16. Красная икра	98
Глава 17. Ее дурацкий купальник	104
Глава 18. Телефонный звонок	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Глава 1. Последний ужин

Обидел женщину? Жди беду.

Диана Рымарь

Часть 1. История одного побега

Глава 1. Последний ужин

Мира

Я не садистка, но, бог свидетель, я мечтаю убить собственного мужа.

Наблюдаю в окно за тем, как он паркует свой джип во дворе, как поднимается по крыльцу в дом, а в груди жжет и давит, подрагивают колени. Хочется сбежать через заднюю дверь.

Не бегу.

Жду.

— Мира, я дома, — раздается его зычный бас.

Слышу в коридоре тяжелые шаги, и вот объемная фигура Антона показывается в дверном проеме.

«Муж у тебя что надо, — хвалили его три года назад на нашей свадьбе подружки. — Высоченный, забубенный...»

Ага, ага. Все при нем: и рост, и атлетичная фигура, пра-

вильные черты лица, темные вьющиеся волосы, голубые глаза. Слишком хорош для маленькой незаметной меня, ведь во мне нет ничего выдающегося.

Я — низкорослая кареглазая шатенка, таких миллионы. Мое лицо с натяжкой можно назвать симпатичным, и на этом плюсы заканчиваются.

Иногда мне кажется, что Антон специально выбрал невзрачную жену, чтобы было больше поводов поддеть, показать свое превосходство.

— Я не понял, — нависает он надо мной. — Я велел тебе встречать меня в прихожей, ты забыла?

Ну не могла я себя заставить выбежать к нему с радостной улыбкой. Не могла, и все тут.

— Прости, я не слышала, как ты приехал, — пытаюсь оправдаться.

— Хорошая жена ждет мужа у окна... Прилично одетая, — говорит он, многозначительно оглядывая мой домашний розовый халатик.

Надень я платье, сказал бы — чего вырядилась, не на параде.

Надень я джинсы, выдал бы, что выгляжу как пацанка, и при моей плоской попе такое носить воспрещается.

В этой игре я всегда проигравший.

— Повесь. — Антон с недовольным видом сует мне свою кожанку.

Беру, несу ее обратно в прихожую, гадая, почему это так

сложно — повесить верхнюю одежду самому. Неужели правда проще отнести ее мне? Ну смешно же!

Хотя нет. Не смешно.

Вешаю куртку на плечики, убираю в шкаф в прихожей. Мысленно отмеряю по линейке десять сантиметров. Именно на таком расстоянии, по мнению моего мужа, должны висеть вещи в шкафу.

Спешу обратно в гостиную.

Антон стоит ровно на том же месте, где и раньше.

— Ну ты медленная... — качает головой. — Хоть ужин приготовить сподобилась?

Киваю. Приготовила, конечно.

— Хочешь поесть в столовой или на кухне?

— В столовой, — кивает он. — Я надеюсь, хоть сегодня у тебя ничего не пригорело?

— Не пригорело, — мотаю головой.

И исчезаю.

Следующие пятнадцать минут бегаю из кухни в столовую и обратно. Накрываю стол белой скатертью. В центре ставлю блюдо с овощным салатом и свежей зеленью, а также нарезанный на идеально ровные ломтики хлеб собственного производства. Мне повезло, именно сегодня он получился особенно ароматным и мягким.

Водружаю на белую тарелку здоровенный кусок стейка, спешу подать мужу.

Себе мясо не кладу. Антон говорит, я в последнее вре-

мя поправилась, хотя по весам не видно — по-прежнему показывают сорок восемь килограммов. При моем росте метр пятьдесят пять это считается нормальным весом, разве нет? Все же ограничиваюсь пюре и салатом.

Оно мне и не к чему, мясо это, почти его даже не хочу. Я же не на полях где-нибудь тружусь, мне белок не особенно нужен. Да и один стейк стоит значительно дешевле, чем два, а Антон всегда дает мне денег на домашнее хозяйство вприпык и очень тщательно следит за тем, чтобы я экономила.

Присаживаюсь и почти гордо оглядываю дело своих рук. Стол получился красивый и аккуратный. Отодвигаю к краю салфетницу с белыми салфетками. Салфетки с рисунком, по мнению Антона, выглядят убого.

— Попробуем, — тянет муж с прищуром.

Берет вилку с ножом, отрезает кусок, сует в рот.

Сглатываю слюну. Внешне стейк выглядит идеально — с хрустящей корочкой, все как он любит. Пахнет умопомрачительно, у меня аж в животе начинает урчать.

Жду одобрителный кивок или взгляд, хоть что-то, чтобы понять — можно выдохнуть и спокойно поесть. Ведь сегодня я приготовила все идеально, придаться не к чему.

Однако муж недовольно щурится.

— Соус где? — спрашивает строго.

Я мысленно хлопаю себя по лбу. Забыла!

Ругая себя на все лады, несусь на кухню, быстро наливаю заранее приготовленный красный соус в белый керами-

ческий союзник, спешу поставить его рядом с тарелкой мужа.

Он недовольно на меня смотрит, кивает.

Снова сажусь на свое место. Осторожно наливаю в стеклянные стаканы вишневый компот, один пододвигаю мужу, второй себе.

Антон берет стакан, опрокидывает в рот, выпивает все до капли. Снова морщится.

Тут же начинаю беспокоиться. Положила мало сахара? Попались плохие вишни? Недостаточно насыщенный? Или, наоборот, чересчур?

— Я просил сливовый компот, — говорит он похоронным голосом. — Неужели ты настолько тупая, что даже не можешь запомнить, какой компот я просил?

Нервно сглатываю, мысленно воскрешаю в памяти при-
сланные мне сегодня в мессенджер инструкции по поводу ужина. Он указал вишневый компот! Я помню, еще расстроилась по этому поводу. Осенью какие вишни? Пришлось покупать заморозку, а Антон любит напитки из свежих фруктов.

— Но ты просил вишневый... Я сейчас проверю твоё сообщение, по-моему...

— Ты будешь со мной спорить? — перебивает он и буравит меня строгим взглядом.

Тут-то мне делается совсем нехорошо. Незаметно даже для самой себя пригибаю голову, готовлюсь к разносу.

— Пока я вкалываю на работе, — громогласно начинает

он, — у тебя лишь одна задача — держать дом в чистоте и готовить ужин. Но ты даже с этим не справляешься. Что мне с тобой делать...

Ну почему, почему он подмечает одни лишь недочеты? Я и близко не идеальная хозяйка, я это точно знаю. Но мог бы он хоть один единственный раз заметить мои старания? Я ведь полдня на этот ужин убила!

Вижу, как его рука тянется к тарелке с хлебом, хотя рядом с ним на салфетке лежит кусок. Он собирается швырнуть тарелку в меня? Потираю плечо, на котором еще не зажил синяк после прошлого раза, когда я умудрилась взбесить мужа.

— Прости меня, Антон, я постараюсь быть внимательнее... — шепчу чуть не плача.

Наблюдаю за тем, как его рука возвращается назад, выдыхаю.

— Цени, какой я терпеливый... — цедит он и сам наливают себе еще компота.

Ценю.

Молча.

С виноватым видом.

Наблюдаю за тем, как муж выпивает очередной стакан, третий, кажется. Режет стейк, кладет в рот. С удовольствием жует, ест с аппетитом. Зато у меня аппетит пропадает напрочь.

Во все глаза слежу за тем, как его взгляд соловееет, веки будто тяжелеют.

— Что-то я устал... — тянет Антон. — Переработал, наверное...

Он кладет по обеим сторонам тарелки столовые приборы, а потом вдруг падает лицом прямо в стейк.

Замираю на месте, разглядывая его голову, покоящуюся на тарелке. Считаю до шестидесяти. Минута — нормальное время, чтобы убедиться, что не подскочит, так?

Дольше не выдерживаю, подхожу к нему близко-близко, убеждаюсь — спит.

Еще бы ему не спать. Я растолкла в его компот столько снотворного, что усыпит и слона. Это его не убьет, хотя жаль. Но проспит Антон долго, если повезет, больше суток.

Убеждаю себя уйти по-тихому. Просто развернуться и уйти. Сумка уже собрана, деньги из мужниной заначки украдены, документы сложены.

Да вот какая засада — по-тихому никак не могу.

Стою над ним вдруг начинаю кричать:

— Козел ты, Горцев! Ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу...

А потом беру сотейник с красным соусом, густо пахнувший чесноком и кинзой, и выливаю содержимое Антону на голову.

Правой щекой он лежит на стейке, а левая вся в соусе. Красота!

Хватаю тарелку с салатом и вываливаю содержимое на Антона.

— Вот тебе, свинья! Обожрись!

Теперь голову мужа украшают ломтики помидоров, листья салата. Мне смешно и жутко смотреть открывшуюся передо мной нелепую картину. Это сделала я? Правда?

Страшно представить, как он будет зол, когда проснется. Ну, после такого мне точно пора бежать.

Глава 2. Побег

Мира

Прежде чем уйти из дома, быстро переодеваюсь.

На улице противный осенний дождь, да и путь мой лежит в далекую холодную столицу, поэтому натягиваю джинсы, толстовку и теплую куртку. Стягиваю волосы в хвост, прячу под шапку. Несмотря на то что на улице стремительно темнеет, напяливаю на лицо здоровенные солнцезащитные очки. Крашу губы чересчур яркой, совершенно неподходящей мне помадой. Вытаскиваю из шкафа заранее приготовленный рюкзак и выхожу из дома.

А что? Яркая помада и очки — нормальный способ маскировки. Люди запомнят лишь их, а остальные детали моей внешности не отложатся у них в памяти. Это я так надеюсь, конечно. Мне надо, чтобы меня узнали как можно меньше людей, еще лучше — никто.

На вокзал не иду.

У нас городок хоть и маленький, а все же камеры там есть. Не так давно я лично это проверила. Висят себе незаметно на самом верху и снимают кого ни попадя. Мне оно не надо. Не хочу, чтобы дружок моего мужа, наш местный участковый, тут же доложил ему, куда я уехала.

Останавливаю маршрутку, которая едет в Краснодар. Мне

везет — в салоне пара свободных мест, меня берет.

Оттуда планирую рвануть на поезде в Москву.

Антон, при желании, сможет легко меня вычислить по билетам на поезд. Но вряд ли он подумает, что я решилась на такой шаг. Скорей всего, будет искать меня в городе. Так что пара дней в запасе у меня есть точно, а дальше разберусь.

Москва — нормальный вариант. В который раз себя в этом убеждаю.

Мне чем дальше от Антона, тем лучше. Это тут он кум королю, сват министру. Думает раз работает в администрации города, значит ему все можно. А в Москве он — ноль без палочки. Если вдруг даже отыщет меня там, что вряд ли, пусть только попробует еще хоть раз ударить! Я в полицию позвоню. И в той полиции никаких его дружков не будет.

Я твердо решила — обратно ни ногой.

По прибытии в столицу сразу подам на развод. Детей у нас нет, делить имущество я не хочу, пусть им удавится. Так что нас разведут за месяц, я узнавала в интернете.

А там как-нибудь устроюсь.

Душу греет наличка, которую я сняла с карточки Антона. Секретного счета, о котором, как он думал, я не знала. Да вот только если ты относишься к жене как к мебели, это не значит, что она и вправду становится мебелью. У меня отличный слух и зрение. Подметила, как он прятал эту карту в бумажник, а ПИН-код у него на всех картах один и тот же — чтобы не забыть.

Пятьдесят тысяч деревянных.

Кому-то покажется не ахти каким богатством, но как по мне — состояние. Больше снимать не решилась, побоялась, что, если возьму слишком много, Антон станет искать меня из-за этих денег. А так ему сами поиски дороже выйдут — бессмысленно.

Сниму квартиру, как-то устроюсь, сразу начну искать работу. Москва большая, наверняка там найдется местечко для маленькой меня. Хочу затеряться там и больше никогда-никогда не видеть рожу мужа. Теперь уже бывшего, надеюсь.

От воспоминаний о сегодняшнем вечере меня до сих пор лихорадит. Не верю, что решилась на подобное. Перед глазами до сих пор стоит физиономия Антона, перемазанная красным соусом.

Прижимаюсь щекой к холодному мокрому стеклу маршрутки, смотрю на дождь за окном и еле сдерживаюсь, чтобы не расплакаться.

На самом деле мне жутко страшно ехать в чужой город, где я никого не знаю. В полную неизвестность. Но либо так, либо извольте, гражданка Мышкина, продолжать носить фамилию господина Горцева и терпеть его выходки, пока не помрете или не прибьет. Тут как повезет, и непонятно, что хуже.

А как все начиналось — это же уму непостижимо!

Я познакомилась с Антоном, когда училась в одиннадцатом классе.

Он на десять лет старше. При первой встрече показался мне очень взрослым. Но отчего-то я ему понравилась, хотя я среди подружек была самой серенькой.

Он позвал на свидание. Красиво так, с цветами.

Я тогда очень испугалась, что папа будет ругаться, и отказала ему.

Антон на этом не успокоился. Пошел прямиком к моему отцу и попросил разрешения ухаживать. Настаивал на том, что все будет безо всяких глупостей, что ему нужна хорошая девочка, неизбалованная. Такая, как я.

Меня очень удивило, что отец согласился. Он оказался даже рад!

«Может, хоть пристроим тебя замуж за приличного человека. Ты знаешь, чей это сын? Самого Горцева, зама мэра. Такие деньжищи мужик заколачивает...»

Помню, мне очень польстило, что Антон проявил настойчивость. Подумала — вот оно, истинное чувство, дождалась. Ведь опыта в любовных делах у меня не было. А как красиво ухаживал, это же умереть не встать! Почти каждый день цветы, шоколадки. Я в жизни столько шоколада не ела, сколько в последние полгода, пока училась в школе.

Подруги обзавидовались. Говорили, я буду последней душой, если не выйду за Горцева.

В интимном плане он меня не трогал до самого замужества. Говорил, что хотел, чтобы все было как надо.

Свадьбу сыграли той же осенью, после того как я получила

аттестат зрелости.

А после того как я стала его женой, Антона будто подменили.

Разве так бывает, что человек за один день превращается в козла?

Оказалось, что очень даже.

Мне бы просто уйти от него... По-человечески.

Уйти, как делают нормальные женщины. Собрать по-тихому чемоданы и нагряться к маме. Только проблема в том, что я уже пыталась так сделать. Антон пришел за мной тем же вечером, о чем-то долго беседовал с моим отцом. А потом папа час орал на меня за то, что из меня вышла паршивая жена, прямо как моя мать. Мои неразобранные вещички тут же перекочевали обратно в машину мужа. А потом он устроил мне дома такое, что вспоминать не хочется.

Больше я таких глупостей, как гордый уход к маме, не делала.

А кроме родительского дома, мне идти некуда, да и не побегаешь от мужа в маленьком городке. У меня есть пара подруг из тех, кто не уехал учиться куда подальше. Но Антон их знает, и в первую очередь будет искать меня у них. Так что это не только бесперспективно, но еще и опасно. Причем не только для меня, ведь он запретил мне общаться с подругами. Горцев — мастер устраивать людям неприятности.

Поэтому в Москву, и будь, что будет.

Мне ведь всего двадцать два... Еще могу начать жизнь

сначала. По крайней мере, я должна попробовать.

Кто знает, вдруг там я встречу нормального, адекватного человека, который меня полюбит. Должен же быть в мире хотя бы один нормальный мужчина, так?

Глава 3. Достигатор

Глеб

Чуть наклоняюсь вперед, упираюсь в стол ладонями, смотрю жене прямо в глаза и четко произношу:

— Ты не поняла меня? Я требую, чтобы ты родила мне ребенка.

Анжела нервно сглатывает, ерзает попой на стуле, смотрит на меня снизу вверх:

— Что я сделаю, Глеб? Я пыталась... Я в этой репродуктивной клинике уже практически поселилась. Ну не получается пока зачать. Предлагаю расслабиться и позволить природе взять дело в свои руки.

Расслабиться... Позволить природе...

Начинаю медленно закипать. Глубоко вздыхаю, очень стараюсь не взбеситься.

Мысленно считаю до пяти, нависаю над Анжелой, что несложно при моем высоком росте, и спрашиваю делано спокойным тоном:

— Какой у нас был договор, когда я брал тебя в жены?

— Ну...

Когда она вот так тянет с ответом, мне кажется, что в салоне ей не только волосы высветили, но и мозги. Ненавижу, когда так неуважительно относятся ко времени других лю-

дей и позволяют себе мямлить, тянуть с ответом.

Анжела это знает. Намеренно это делает?

Кукольное лицо моей жены-блондинки искажает недовольная гримаса. Она обнимает себя руками, при этом ее грудь сжимается настолько, что кажется, сейчас выпрыгнет из декольте. А там есть чему выпрыгивать. И в первые месяцы наших отношений одного вида ее идеальной груди мне было бы достаточно, чтобы забыть суть спора.

Но все течет, все меняется, и мне уже плевать на то, что у моей жены идеальная фигура. Лучше бы я выбрал кого-то с большим количеством мозгов.

— Неужели ты после трех лет брака будешь вспоминать про какие-то там условия договора? — спрашивает она, картинно хлопая накладными ресницами.

— Вот именно, Анжела, — резко добавляю голосу строгости. — Мы недавно справили третью годовщину, а одним из моих главных условий было то, что в течение этого времени ты родишь мне сына! Попрошу заметить, что я свою часть договора выполняю исправно. — Красноречиво оглядываю нашу шикарную кухню с гарнитуром из натурального дерева. — Мы переехали в новый дом, я ежемесячно выплачиваю тебе нехилую сумму на шпаклевку наружности, тряпки и прочее...

— Не надо называть мои базовые потребности шпаклевкой наружности! — тут же дует губы она.

Снова тяжело вздыхаю, считаю уже до десяти.

Потом продолжаю еще более строгим тоном:

— Я смирился с твоим диабетом, но с бесплодием мириться не собираюсь.

Анжела снова нервно сглатывает, разводит руками.

— Я не бесплодная, просто есть нюансы...

— Когда мы женились, никаких нюансов у тебя не было, с чего вдруг они появились?

— Так случается, я же тебе объясняла!

— Мне плевать на твои объяснения, — чеканю строго. — Надоели твои отговорки. Либо ты решаешь этот вопрос, либо я подыскиваю новую кандидатку на роль жены. Здоровую и готовую рожать. Без нюансов! Все. Срок тебе три месяца и ни днем больше...

Да, жестко, согласен.

Но так устроен этот мир. Ты либо жесткий, либо за бортом.

Я всю жизнь достигаю всего, что планирую.

В интернате рвал жопу, учился на одни пятерки, чтобы пролезть в приличный вуз и хоть как-то там удержаться. В университете вкалывал на трех работах, чтобы одеться, прокормиться. Учился ночами. Вот уже семь лет шагаю семимильными шагами по карьерной лестнице. Я лучший в отделе информационных технологий, именно потому его возглавляю. Сплю по четыре-шесть часов в сутки, чтобы все успеть. Всю жизнь зубами выгрызаю свое место под солнцем.

Я физически крепок, вынослив, каждое утро пробегаю по

десять километров. К двадцати девяти годам ни одного седого волоса, по-прежнему могу похвастать густой каштановой шевелюрой. На животе ни грамма лишнего жира, в отличие от коллег.

Я — носитель идеального генофонда, мать вашу так, а она не может мне родить!

Мне необходим наследник. И не когда природа соблаговолит мне его подарить, а когда я решу.

— А может, найдем суррогатную мать? — вдруг подает голос Анжела.

Вопросительно на нее смотрю, и жена впервые за вечер начинает выдавать дельные мысли.

— Мы найдем какую-нибудь здоровую девушку, возьмем твое семя, мою яйцеклетку, сделаем оплодотворение с помощью ЭКО, и вуаля... Так сейчас делают все продвинутые пары. Опять же, не придется портить фигуру... Ты же любишь мою фигуру, Глеб!

— Вообще-то, сохранение твоей фигуры в первоначальном состоянии также прописано в договоре, — чеканю строго. — Именно для этого я оплачиваю твои занятия с фитнес-тренером, бассейн и прочее.

Анжела снова поджимает губы.

Не любит, когда я тычу в нее соглашением, которое она сама же радостно подписала.

Но если честно, мне плевать.

— Я все устрою и сообщу тебе по результату, — кивает

она наконец.

А потом поднимается из-за стола, хочет уйти.

— Куда собралась? — меряю ее недовольным взглядом.

— Сегодня среда.

По понедельникам, средам и субботам Анжела спит в моей комнате, и мы занимаемся сексом.

Я — человек расписания. Что поделать, иначе просто не вывезу то количество обязанностей, которое на себя взял. Может быть, секс по расписанию — не слишком романтическая вещь, но, опять-таки, мне плевать. Роскошь спонтанных свиданий с моим графиком непозволительна, это для безработных придурков.

— Я просто думала, ты разозлился и вряд ли захочешь...

— начинает лепетать Анжела.

Тут же ее перебиваю:

— Быстро в койку!

Глава 4. Под красным чесночным соусом

Антон

В ноздри заползает запах чеснока, а правую щеку разъедает, будто в нее втерли перец.

Резко поднимаю голову и морщусь от боли в голове и мышцах.

Медленно фокусирую взгляд на столе, разбросанной по нему испорченной еде. Вижу напротив себя нетронутую тарелку с квелым салатом и засохшим пюре — тарелку Миры.

Я заснул за столом мордой в тарелке?

— Какого хрена?! — хриплю не своим голосом. — Кирдык!

В горле пересохло, как в Сахаре. Аж шевелить языком неприятно.

Я ж не пил! Я никогда так не пью!

Замечаю, что за окном начинает светать. Смотрю на часы — семь утра.

— Мира? — ору что есть силы.

В какой бы части дома она ни была, наверняка услышит. Жду десять секунд. За это время она должна прибежать. Это устоявшееся правило. Я еще в первый год совместной жизни

научил жену расторопности.

Она не приходит.

— Мира! — снова ору.

Она знает, что после третьего зова ей достанется на орехи.

И все же не приходит!

Не понимаю, где она.

Кое-как встаю, чувствую боль в мышцах. От лежания в неудобной позе у меня затекло все тело. Это же надо, как я устал, раз уснул за ужином! Перетруился, перенервничал. Естественно, устал. Но какого хрена жена позволила мне проспать вот так всю ночь? Неужели не могла разбудить, довести до кровати?

Побоялась трогать? Да, я не подарок спросонья, но это же не причина, чтобы оставлять меня спать на куске мяса?!

Шея сзади начинает нестерпимо чесаться. Тяну руку под ворот рубашки.

Там что-то есть!

Достаю и долго смотрю на листок жухлого салата. Нет, я еще могу как-то понять, что вырубился мордой в тарелку, но как мне за шиворот попал гребаный салат? Оглядываю столовую и неожиданно понимаю — эта сука вывалила мне на голову миску с едой, пока я спал! Кто так вообще делает?

Она охренела?!

Человек устал, вырубился за столом, а она на него салат... Что за выходки?

Это очень непохоже на мою послушную Мышь. Кто ей

хвост прищемил, что она так себя ведет? Уж точно не я, у нас в последнее время не было конфликтов, все идеально.

Вот почему не идет ко мне. Боится! И правильно боится. Получит за дело по полной программе.

— Иди сюда, Мира, — цежу с издевкой.

Деться ей некуда, все равно придет.

Достаю телефон, набираю ее номер, а он недоступен.

— Какого...

Мире запрещено отключать телефон. Она должна быть доступна двадцать четыре часа в сутки. Она замуж для чего вышла? Жена должна быть в полном распоряжении мужа. Всегда!

Щеку почти нестерпимо щиплет. Провожу по ней рукой и на ладони остается след от чего-то красного, полусохшего. Включаю фронтальную камеру на телефоне и любуюсь своим лицом, которое залито чем-то красным. По запаху очень напоминает... чесночный соус с кинзой!

Эта дрянь мало того что не позаботилась о моем комфортном сне, но вдобавок вылила на меня соус! Она решила, что бессмертна?

— Обалдеть...

Спешу в ванную, скидываю грязные шмотки прямо на пол. Мира потом уберет.

Встаю под горячий душ.

Вода помогает немного прийти в себя. Также понимаю — ну не мог я сам вот так вырубиться, причем надолго. В меня

будто транквилизатором жажнули.

Отчего-то вспоминаю чересчур сладкий вкус вишневого компота, прямо как бабский ликер. Нетипичный вкус для компотов жены. Зачем она так насладила? Может... Мира хотела замаскировать сладостью другой привкус? Какой?

Отчаянно тру щеку, которую до сих пор немного щиплет, хотя я три раза ее намылил и смыл. Как я не почувствовал жжение во сне? И тут меня осеняет: Мышь наверняка подсыпала мне снотворное, иначе я бы проснулся раньше. Точно! Вот почему я вырубился, другого объяснения просто не может быть.

Для чего моей Мыши это могло понадобиться? Чтобы собрать вещички и свалить от меня? Ну это она зря. Не в этой жизни. Она от меня уйдет!

Наскоро моюсь, выскакиваю из ванной в одном полотенце на бедрах, спешу к шкафу, где я выделил для Миры целых две полки под вещи. Но шмотки там, пусть их вроде бы стало меньше. Или не стало?

Иду в кладовую, проверяю, не исчезли ли чемоданы. Они тоже на месте, не хватает только спортивного рюкзака, который она зачем-то купила в прошлом году. На сраную йогу решила ходить. Ну я и загрузил ее работой по полной, чтобы дурь в голову не лезла.

Значит, взяла рюкзак...

Натягиваю джинсы, свитер, хватаю ключи от машины, выскакиваю на улицу, готовый рвануть за женой.

Но на полпути резко торможу.

Я что, терпила какой? Мы это уже проходили.

Я один раз уже так унижался, ездил за ней к родителям. После этого резко поумнел, предпринял кое-какие меры, чтобы подобное не повторялось. У меня с ее отцом договоренность — если еще когда-нибудь она вот так явится к ним с чемоданом, он приволочет сучку обратно. Я его зарядил как надо, он теперь работает в администрации, в команде отца, так что ему выгодно, чтобы мы с Мирой жили долго и счастливо.

А если я сейчас за ней сам поеду, после того что она устроила в столовой, это ж какой королевной она себя почувствует. Примадонна, чтоб ее... Напакостила, а муж помчался за ней в ту же секунду. Не жирно ли будет?

Я подожду, пока эта дрянь вернется домой, как побитая собака, ведь родители ее не примут.

Это будет ей хорошим уроком на будущее, чтобы больше так делать не смела. Не хочу, чтобы она от меня бесконечно бегала. Что это за мода — чуть что не по нраву, сразу собирать вещи? Брак — это навсегда, вообще-то. Мы с ней такие клятвы друг другу давали, и я свои клятвы держу.

Кто бы знал, чего мне стоит вернуться обратно в дом.

Меня всего аж поджаривает изнутри от нетерпения. Скоро повалит пар из ушей.

Захожу в столовую, сажусь на диван напротив стола. В который раз осматриваю устроенный Мирой хаос. Думаю се-

рѣзную думу — как стану наказывать мою Мышь за этот спектакль. Но что ни приходит в голову, все кажется слишком мелким и незначительным по сравнению с ее проступком.

— Кирдык тебе, маленькая дрянь.

Она месяц будет валяться у меня в ногах.

Потом прощу... как-нибудь. Наверное. Я же люблю эту маленькую сучку.

Но ей придется очень постараться, чтобы заслужить мое прощение.

Глава 5. Долгожданный визит

Антон

Когда сидеть на месте становится почти невыносимо, поднимаюсь. Так и подмывает броситься вон из дома и мчать за Мирой.

Но сдерживаюсь.

Умный человек не будет устраивать погоню за женщиной, тем более за женой.

Ну куда она от меня денется? Некуда ей.

Иду по столовой, намеренно наступая на разбросанные по ковру куски полузасохших помидоров и жухлого салата. Вдавливаю их подошвой тапочек в бежевый ворс сильнее, чтобы было сложнее вычистить. Еще и мясо на пол сваливаю — так, для компании с овощами.

Пусть гниет, ждет своего часа. Точнее, хозяйку, которая все это уберет.

Желудок воет как потерпевший. Еще бы — вчера толком не поел, а сегодня и маковой росинки во рту не было, хотя уже обед.

Открываю холодильник и задумчиво чешу затылок. Пусто. Ни одного блюда.

Нет, там валяется тот же салат, пара помидоров, яйца. Но ничего готового. Мира специально так сделала, сучка такая?

Обычно у нее всегда имелось про запас первое, второе и десерт. Она знает — я никогда не ем ничего дважды, поэтому старается готовить разные блюда на случай, если проголодаюсь. Однако вчера ничего, кроме стейка, не приготовила.

Заранее подготовилась к уходу!

Кирдык ей... Я покажу мерзавке, как делать можно, а как нельзя.

Она что думала, я сам себе жрать готовить буду, что ли?

Достаю телефон, ищу номер какой-нибудь доставки, как будто я гребаный холостяк, честное слово. Делаю заказ, жду.

Через час мне привозят стейк с салатом. Специально заказал такое же блюдо, чтобы убедиться, что она вчера нарочно приготовила мне хрень.

Достаю еду из пакета, не утруждаю себя поиском тарелки, режу стейк прямо в контейнере. Кладу кусок едва теплого мяса в рот и морщусь.

Картон.

А денег содрали, как за килограмм золота!

Стейк чересчур сухой, а салат кислый, соус абсолютно неподходящий. Не такой, как делает Мира.

Тяжело вздыхаю, злюсь на жену еще больше. Из-за нее приходится давиться дерьмом! Ей что, лень было что-то приготовить перед уходом? Она же понимала, что меня это взбесит. Или вправду не собиралась возвращаться? Ну, это бред! Она меня вообще-то любит.

В этот момент слышу звонок. Аж подпрыгиваю на месте

от этого звука.

Выглядываю в окно, но вижу только железную калитку. Непонятно, кто пришел.

Впрочем, Мира мелкая, ее из-за калитки и не может быть видно. Но зачем ей звонить? У нее же есть ключи.

Почти сразу вспоминаю, что ее ключи я видел в прихожей, а калитку сегодня утром нарочно запер — чтобы она поняла, что не жду ее с распростертыми объятиями.

Значит, точно Мира.

В груди гулко ухает, кровь бежит по венам с бешеной скоростью.

Сейчас увижу ее, сейчас потрогаю.

Затащу в дом и...

Нет, сначала пусть объясняется со мной на улице, за калиткой. Пусть извиняется за беспредел, и не раз. А потом уже затащу в дом и сделаю с ней что-нибудь сладко-нехорошее. В голове сразу всплывает пара-тройка вариантов.

Нет, надо сначала наказать, а потом уж...

Впрочем, почему я должен лишать себя удовольствия?

Секса хочется так, что аж сводит скулы — грубого, животного. Мире так не нравится, Мире нежно нравится. Но пусть терпит, сама виновата.

Так, значит, сначала в спальню, а потом заставлю ее драить столовую, чтобы на ковре не осталось ни пятна.

Снова звенит звонок.

А почему только столовая? Пусть и кухню драит!

Беру и разом сметаю со стола заказанную еду. Все равно на вкус — картон. Соус вперемешку с салатом пачкает пол, мясо отскакивает к холодильнику.

Довольный собой спешу на улицу.

Полюблю ее как мне захочется, потом пусть выдраит мне весь дом и готовит царский ужин. Уже завтра решу, как ее наказать.

Несусь к калитке, открываю ее настежь.

Долго стою, долго пялюсь.

Нет-нет, совсем не на симпатичную физиономию супруги.

Передо мной наш сосед-алкаш.

— Доброго здоровьечка, — тянет он и спешит улыбнуться, оголяет ряд гнилых зубов. — Прошу прощения за беспокойство, не одолжите чуть-чуть на лекарство, так сказать?

Я в жизни не испытывал разочарования сильнее. Аж всего переклинивает от злости. В глазах темнеет, руки ходуном.

— Пошел на хрен! — рычу на соседа, еле сдерживаясь, чтобы не врезать.

Намать бока — отличный способ снять стресс, а все же не могу так рисковать. Отец вот-вот выбьется в мэры, нашей семье конфликты не нужны.

С шумом захлопываю калитку, скрежещу зубами, вспоминая, как вывалил на пол кухни еду. Желудок урчит от голода, голова пухнет от перенапряжения.

А потом до меня как-то неожиданно доходит: если Мира ушла вчера, ее тесть вчера бы и приволок, так? А он не при-

волок. Значит...

Несусь в дом за ключами от машины.

Если понадобится, я весь город объеду, но найду эту маленькую дрянь!

Глава 6. Новая реальность

Мира

— Ко мне, — слышу строгий оклик Антона.

Ноги деревенеют, сердце эвакуируется в пятки. Еле заставляю себя повернуться и вижу его перекошенное от злости лицо.

Не могу заставить себя подойти. Да что там, я и шагу ступить не могу. Замерла на месте и трясусь как осиновый лист. А муж злится все больше, ведь он терпеть не может, когда я мешкаю с его приказами. Сам шагает ко мне. Тут-то я понимаю: со злости может и прибить. Потираю затылок — он болит фантомной болью от воспоминания о том, как во время одного из ужинов Антон дал мне такую затрещину, что я ударилась носом о стол.

Хочу убежать, но не могу.

— Кирдык тебе, Мира! — рычит он, а потом тянет ко мне руки.

Мотаю головой, хочу крикнуть «нет», а изо рта ни звука. Я будто онемела.

Вздрагиваю всем телом.

И... резко просыпаюсь. Сажусь на кровати, вытираю мокрый лоб.

Один и тот же кошмар целых две недели, и какой реали-

стичный! То в одной вариации, то в другой. Антон находил меня в моем воображении уже тысячу раз.

Я не дурочка, понимаю, что когда-нибудь это случится в реальности. А когда случится, мне придется каким-то образом отстоять себя, указать этому гаду на то, что я — человек, а не его комнатная собачка. Или мышь, как он временами меня называет.

Сам он мышь, точнее крыса. А еще точнее — козел! Хотя козлики — милейшие животные, нечего обижать их сравнением с моим супругом.

Если этот придурок явится, я сразу вызову полицию. Не буду с ним сюсюкать, разговаривать. Только увижу и дам деру. А если он вдруг припрется домой, даже дверь не открою, сразу позвоню куда следует. Из квартиры он уж точно меня не выковыряет — только если взломает дверь. Но он такого, слава богу, не умеет, да и вряд ли решится. Все-таки это чужая собственность, и город чужой.

Я твердо решила — больше никогда к нему не вернусь. В идеале даже не увижу.

И все равно мне одуряюще страшно, что найдет!

Но...

Пока ведь не нашел.

Могу продолжать спокойно жить.

Как это удивительно — не иметь над собой надсмотрщика. Впервые в жизни наслаждаюсь этим упоительным чувством свободы. Раньше за мной следил папа, потом я попала

к Антону, а сама ни разу не жила.

Теперь могу делать что хочу, никто слова не скажет. О, как же это прекрасно — делать что угодно, и не бояться, что тебе за это прилетит. Носить что хочешь, и не ждать критики. Есть что пожелаешь, без подколок типа: «скоро в дверь не войдешь».

Пусть в холодильнике у меня пустовато, да и гардеробчик скуден — много я в рюкзак не вместила. Но я счастлива тем, что имею. Оно все мое.

Вскакиваю со скрипучей кровати, ставлю ноги на холодный линолеум и тут же хочу забраться обратно под одеяло, так неприятен стопам холод. Но перебарываю себя, поднимаюсь, бегу в ванную. Умываюсь, чищу зубы. Потом собираюсь, забегая на кухню глотнуть воды.

— Приветики, — улыбается мне Ляля, соседка по квартире.

Не знаю, настоящее это ее имя или нет. Я к ней в паспорт не заглядывала. Но оно очень ей подходит. У Ляли совершенно кукольное лицо — идеальная кожа, маленький носик и пухлые губы. А свои шикарные черные волосы она всегда завивает в крупные кудри.

Ляля неуклюжей уточкой шагает к холодильнику.

Она не толстая, просто очень беременная — в смысле срок большой. Через полтора-два месяца уже родит.

Как же мне феерически повезло познакомиться с ней. Прямо магия. По приезде в Москву мне удалось найти недо-

рогой хостел, там разговори­лась с администратором, и оказалось, что ее подруге как раз требуется соседка. Так я оказалась тут — в скромной двушке на окраине города.

Обстановка тут старая, из прошлого века. Но все, что нужно для жизни, есть. И кровать, и холодильник, даже шкафы и кое-какая посуда.

Словом, живу. И, как мне кажется, неплохо.

— Все в порядке? — спрашивает Ляля озабоченным голосом.

— Супер, — киваю я с улыбкой.

— Завтракать будешь? — спрашивает, доставая из холодильника колбасу и сыр.

— Нет, мне пора бежать на работу, что-нибудь перехвачу в кафе.

Мне неудобно есть ее еду, а имевшуюся у меня овсянку я сварить все равно не успею. Сама пока что на колбасу и сыр не заработала.

Прощаюсь с ней и ныряю в пасмурное осеннее утро.

Я теперь официантка в кафе неподалеку. Пусть работа не ахти какая выгодная, но моя. На первое время отличный вариант. А потом еще что-нибудь придумаю, может получу какую-нибудь профессию. Я не тупая, у меня в школе были сплошные пятерки. Думаю, смогу поступить в какой-нибудь вуз, пусть непрестижный.

А еще я не бесполезное создание, как любил говорить Антон.

Жизнь, кажется, налаживается. Только жаль, что на новой работе не все мне рады...

Глава 7. (Не) жертва

Мира

— Мира, — ловит меня в зале Дарья Ивановна, владелица кафе.

Она поправляет высокую прическу и с важным видом говорит:

— Сходи к заднему входу, встретить курьера, он должен вот-вот подъехать, забери свадебный торт для завтрашнего банкета. Аккуратно, я подчеркиваю — аккуратно поставь его в холодильник, где хранят кондитерку. Повара должны были оставить место.

Наблюдаю за тем, как она, цокая каблуками, исчезает в коридоре, который ведет в ее кабинет. Ей сорок, но на лице почти ни морщинки, ни складочки. Идеальный макияж и прическа, и пахнет от нее дорогущим парфюмом. Ох, надеюсь, когда-нибудь тоже стану важной птицей. Вдруг удастся построить карьеру, открыть свое кафе. Ведь случаются в жизни чудеса, так?

Мечты, мечты, куда вы прете?..

Спешу выполнить просьбу хозяйки кафе.

Я вообще очень стараюсь услужить, сделать так, чтобы мной были довольны.

Недавно уволили одну из официанток, а я себе позволить

увольнение никак не могу. Иначе чем буду платить за жилье?

Очень жду первую зарплату, но даже после того как ее получу, вряд ли смогу себе позволить какие-то лишние траты. Денег хватит лишь на то, чтобы заплатить за квартиру и купить еду. Не шикарную, типа сыра или колбасы, а обычную человеческую: крупы, овощи, кефир. Одна надежна на чаевые, так что угодливость — мое все.

Москва — это какой-то пылесос, честное слово. Денежный пылесос — высасывает все до копейки, причем очень быстро.

Здесь все невозможно дорого. Я заплатила за комнату целых двадцать пять тысяч, еще десять разошлись непонятно на что. Билеты в Москву тоже стоили дорого, а еще пришлось заплатить за санкнижку. Остатки бывшего богатства трачу очень экономно, чтобы хватило на проезд и хоть какую-то еду.

Я уже успела пожалеть, что сняла с карты Антона всего пятьдесят тысяч, хотя мне это и казалось тогда огромной суммой. С другой стороны, сколько бы ни сняла, этих денег надолго не хватило бы.

Вот теперь из кожи вон лезу, чтобы получить премию. Она мне в первый месяц работы не светит, ведь я на испытательном сроке. Но потом — почему нет? Очень хотелось бы обзавестись нормальной зимней обувью, ну или хоть какой-то.

Выскакиваю на улицу и тут же жалею, что не догадалась натянуть куртку. Все же на улице октябрь. Моментально зяб-

ну, форма официантки абсолютно не греет, да и как может греть короткое черное платье с белым воротником?

Вижу курьера, он машет рукой.

Решаю, что не успею сильно замерзнуть за три минуты.

Подхожу к красной машине с надписью «Кондитерская Délicieux*».

Мужчина открывает дверь, достает большую белую коробку.

— Осторожно, тяжелая, — говорит он, передавая ее мне.

Тут же понимаю — надо было позвать на помощь кого-нибудь из поваров. Торт весит килограмм семь-восемь, не меньше. Однако за две недели непрерывной беготни с подносом я уже успела подкачать мышцы, так что, думаю, справлюсь сама.

Аккуратными маленькими шажками иду в кафе. Водитель помогает мне открыть дверь.

Благодарю его, иду внутрь.

Несу коробку с тортом в хранилище, где стоит ряд холодильников. Аккуратно ставлю на стол, спешу к отделу с кондитерскими изделиями, вижу, что все полки заняты. Ага, оставили место, как же!

Тихо пыхтя, начинаю играть в тетрис — аккуратно размещаю пирожные по другим полкам так, чтобы освободить место под гигантский короб.

Слышу, как резко хлопает дверь, оборачиваюсь и натыкаюсь взглядом на главного администратора — Владимира.

— Вот ты где. — Его взгляд останавливается на мне.

Вроде бы симпатичный мужик, все при нем — высокий, холеный шатен с широкими плечами. Как всегда аккуратно одет: на нем белая рубашка, костюм и галстук. Должен бы производить приятное впечатление, ан нет. Лично на меня не производит.

При его виде мне каждый раз хочется сморщиться, будто унюхала тухлую рыбу.

Я сразу заметила, что он немного похож на Антона, есть что-то мерзкое в глазах, не знаю, как объяснить.

В общем, не нравится он мне. И, к моему великому сожалению, эта неприязнь взаимна.

Официантки говорят — милый парень, но со мной он ведет себя как император с провинившейся рабыней.

Особенно когда мы наедине.

— Вы меня искали, Владимир? — вежливо спрашиваю я.

— Тебя разве найдешь в зале, вечно где-то гуляешь, — недовольно ворчит он. — Почему гости должны ждать?

— Но там Кристина, и я тут по приказу Дарьи Ивановны... — пытаюсь оправдаться. — Сейчас только поставлю торт в холодильник и обратно в зал.

Его мои оправдания нисколько не интересуют.

— Ну-ну... — цокает он языком и впивается в меня взглядом. — Смотри, Мира, ты у меня на карандаше.

Ожидаю, что после этого он уйдет, но нет.

Владимир продолжает сверлить меня взглядом. Хочет

проверить, как я справлюсь? Как только это понимаю, мои руки мгновенно начинают дрожать.

Как же я это ненавижу! Вечно, как только он подойдет, у меня все начинает валиться из рук. Я это выяснила еще в тот момент, когда меня учили сервировке столов. По его милости разбила бокал и получила нагоняй.

А Владимир будто чувствует мою нервозность и старается всеми силами ее усугубить. Если я ему так сильно не нравлюсь, ну не брал бы на работу. Но взял же зачем-то. Чтобы третировать? Почему мне вечно везет как утопленнику?

Велю себе успокоиться.

Поворачиваюсь обратно к холодильнику, продолжаю расчищать место под торт. Действую максимально аккуратно, чтобы не повредить другие коробки. Потом буквально с придыханием беру торт со стола.

Подхожу к холодильнику, медленно протягиваю руки, чтобы поместить коробку на полочку, а она слишком высокая, надо аккуратно втиснуть. Сосредоточенная на важном деле, я пропускаю момент, когда Владимир оказывается за моей спиной, почти вплотную. Чувствую, как мужская рука скользит по филейной части, а потом пребольно ее сжимает.

— Ой! — визжу как ненормальная.

Ослабляю хватку всего на секунду. Маленькую такую, крохотную секундочку... А торт уже на полу.

Владимир тут же отскакивает в сторону, будто это совсем не он только что лапал меня за задницу.

— Ты что сделала, дура ненормальная? — орет он на меня. — У тебя руки из жопы, что ли? Ты хоть представляешь, сколько стоит такой торт?!

Столбенею, переводя взгляд то на торт, то на администратора. Он, конечно, и раньше был не подарок, но *так* себя не вел.

Тихо шепчу:

— Но я же... Но вы же... Но я же из-за вас...

— Что ты мямлишь? Еще меня обвини, дура безрукая... Сама уронила!

«Дура безрукая», «тупая курица», «никчемушница» и так далее, и по тому же больному месту. О, сколько таких изречений я наслушалась от Антона. Ему все было плохо, что бы я ни сделала. Как бы сильно ни старалась, ни разу не похвалил, зато всегда находил, за что поругать.

— Чего зависла? — продолжает Владимир хамским тоном. — Слушай меня, болезная... Стоишь, ресницами хлопаешь...

А ведь с остальными официантками он общается вполне нормально, зато со мной вот так. Ни к кому больше не пристаёт, а ко мне посчитал, что можно.

Продолжаю молчать, а он распаляется еще больше:

— Ты понимаешь, что как только я сообщу хозяйке про торт, тебя вытолкают вшаей? Тебе это ясно? Подумай, как можешь загладить вину...

И тут он как-то по-особенному мерзко ухмыляется.

Намекает на секс? Меня буквально тошнит, как только представляю себя с этим уродом.

Отчего-то вспоминается недавно сказанная Лялей фраза: «Жертва до тех пор жертва, пока ведет себя как жертва». Это она рассуждала про сериал, но, боже мой, как же подходит мне эта фраза! Вечно оправдываюсь, мямлю, хотя по факту невиновата. Хоть бы раз взяла и отстояла себя...

Мне дико надоело быть вечной грушей для битья. Больше не хочу!

— Я ни в чем не виновата, — говорю спокойно, но достаточно громко, чтобы он расслышал.

У начальника глаза увеличиваются в размере.

— Ты еще спорить со мной будешь?

— Вы ко мне приставали, схватили меня за попу, поэтому я уронила торт!

— Я не понял, у тебя глюки, что ли? Да тебя на наркотики надо проверить, ты же обдолбанная...

— Сам ты обдолбанный! — вдруг слышу чей-то голос.

Громкий такой, жутко похожий на мой. Но я же не могла такое сказать начальнику, нет? Однако в хранилище никого, кроме него и меня, нет, так что выходит — мои слова.

— Вон висит камера! — пыхчу, указывая в верхний угол комнаты. — Так что я смогу доказать...

— Ничего ты не докажешь! — вопит он. — Камера со вчерашнего дня не работает, так что...

Мой лоб покрывается испариной. Вот так да! Только те-

перь до меня доходит, почему он подловил меня именно здесь.

— А у меня нежная кожа, — нагло заявляю, — наверняка после твоей лапищи остался синяк! Так что доказательства все равно есть... Прямо сейчас пойду к хозяйке кафе и пожалуюсь.

Вижу, как багровеет лицо администратора. Он открывает рот, чтобы на меня заорать и... закрывает его! Замечаю, как пытается с собой справиться.

— Это будет твое слово против моего, — говорит он почти нормальным голосом. — Давай замнем, я сам закажу новый торт и...

А мне впервые в жизни не хочется ничего заминать. Не счесть, сколько раз я вот так просто проглатывала обиды. Он хоть бы для галочки извинился. Но нет! Не считает он нужным извиняться. Как же, кто я такая, чтобы передо мной извиняться...

Но если я позволю этому козлу вытереть об в себя ноги, так навечно и останусь никем — четко это понимаю.

Закрываю глаза, вспоминаю сегодняшний сон: лицо Антона, его руки, которые тянутся ко мне. Меня передергивает. Я больше не позволю ни ему, ни этому наглому хмырю, ни кому-то другому безнаказанно надо мной издеваться.

Мне очень страшно, хочется удрать куда подальше, но вместо этого я прищуриваю глаза и спрашиваю:

— Замнем, значит? А потом что? Ввернемся назад в про-

шное, где ты не успел схватить меня за задницу, а потом обзывать по-всякому?

— Эм... — тянет он. — Ты успокойся. Давай договоримся.

— Я не буду с тобой ни о чем договариваться...

На этом срываюсь с места и бегу напрямиком в кабинет владелицы кафе.

* Délicieux — вкусно (перевод с французского).

Глава 8. По кусочкам

Мира

Следующим утром сижу на кухне, пью чай без сахара и пытаюсь собрать себя по кусочкам.

Это ж какой-то пипец, товарищи!

Меня вчера облапали, оскорбили, так я еще и виновата осталась. Первый раз решилась отстоять себя и сразу вляпалась по самые огурцы.

Естественно, меня уволили, а заработанные за это время деньги пошли на оплату торта. Дурацкий дорогой торт из фирменной кондитерской. Я в жизни не поверю, что он стоил, как моя зарплата за две недели, но чеков мне никто не показал.

Вкалывала в этом кафе как проклятая, а в результате получила фигу. Смачную такую...

Кто же знал, что это Владимир — любовник хозяйки кафе. Я даже предположить такого не могла! Во-первых, у них с Дарьей Ивановной разница в возрасте лет десять минимум. Не думаю, что ему больше тридцати, а ей сорок. Во-вторых, она замужем... Причем муж такой с виду приличный, ласковый.

Не понимаю тех, кто изменяет своим мужьям, тем более если мужья хорошие, не то что мой. Зачем тогда вообще же-

ниться, если собираешься гулять?

В то же время ловлю себя на мысли, что не жалею о том, что сделала.

Я ведь не одна вчера лишилась работы, Владимиру тоже досталось. Несмотря ни на что, мне было чертовски приятно слышать, как Дарья Ивановна на него орала. У меня прям душа радовалась.

Ну что, Мира, порадовала душу? Теперь спускайся на грешную землю...

Первым делом просматриваю новые объявления о съеме жилья. Больше не могу себе позволить мажорство в виде комнаты за двадцать пять тысяч. Сама двухкомнатная квартира, которую мы с Лялей снимаем, стоит сорок с небольшим в месяц, плюс коммуналка, вот и получилось по двадцать пять на меня и Лялю. Но это я по приезде в Москву просто не ориентировалась в ценах, а мне нужно было срочно куда-то деться.

Впрочем, я и согласилась-то на этот вариант только потому, что тут мне не надо было платить риелтору или отдавать залог. К тому же прельщал тот факт, что квартира рядом с метро.

Нахожу несколько вариантов дешевле — разлет цен от пятнадцати до двадцати тысяч плюс залог. То есть, чтобы съехать, мне надо тридцать-сорок тысяч. Пригорюниваюсь еще больше. У меня нет таких денег... И я не знаю, как мне надо извернуться, чтобы найти их за оставшиеся дни. Иначе

попросту стану бездомной.

Слышу тяжелую походку Ляли в коридоре, очень скоро она появляется на кухне.

— Привет. Что случилось? — спрашивает она озабоченным голосом.

Видно, слишком у меня лицо кислое, раз Ляля решила задать такой вопрос.

— Меня выперли из кафе, — признаюсь с виноватым видом.

— Ой-ой... извини, занять не смогу, — тут же говорит она.

Усаживается на табуретку рядом, смотрит с беспокойством.

— Да я и не прошу, их же надо будет с чего-то отдавать, а мне не с чего. Переселюсь в какой-нибудь заброшенный чердак, буду соседствовать с пауками, — нервно смеюсь я.

Мы обе замолкаем, опускаем взгляды на стол, некоторое время рассматриваем розовые и фиолетовые цветочки на клеенчатой скатерти.

— Что, все так плохо? — спрашивает Ляля.

— Как-нибудь постараюсь пережить... — вздыхаю.

— У тебя со здоровьем как? — вдруг меняет тему Ляля.

— Предлагаешь попробовать продать почку? — снова нервно смеюсь.

— Тыфу на тебя! — машет рукой Ляля. — Какая почка? Попробуй сурматеринство, как я...

— Сурматеринство? — Моя бровь ползет вверх. — Так ты это не для себя ребенка... — запинаясь на последнем слове, чувствую, как краснеют щеки.

— Одна, без мужа, на съемной квартире с ребенком? Да еще и без работы? Пффф, я че, дура, что ли? — фыркает соседка. — Не-е-е, я дебилизмом не страдаю. Я тоже, как ты, не так давно приехала сюда, тыкалась-мыкалась, думала, куда приткнуться, вот нашла вариант. Рожу, получу деньги и свалю за рубеж. На фиг, меня эта страна задолбала. Работы нормальной нет, ничего нет.

Чем дольше она говорит, тем сильнее меня передергивает. Нужда нуждой, но чтобы отдать ребенка... Нет, я не осуждаю тех, кто отдает своих детей на усыновление, но даже примерно не представляю, как это тяжело.

Сколько себя помню, всегда хотела детей.

Не с Антоном, конечно. Ни за что! Если из него вышел такой паршивый муж, какой бы из него получился отец? Упаси боже от такого папашки.

Я люблю детей и много раз представляла себя мамой, но о сурматеринстве не задумывалась никогда. Пусть ДНК не твоя, но ты же носишь малыша под сердцем целых девять месяцев, как потом отдать? Даже за все деньги мира это слишком.

— Для меня бы это было очень тяжело — родить, а потом отдать...

Ляля разводит руками:

— А прикинь, как тяжело тем, кто не может иметь детей? Хочешь, хочешь, а не можешь... Для некоторых это единственный шанс вообще.

— Это да, — киваю. — Но отдать своего ребенка...

— Ну, вообще-то, это не мой ребенок, Мира, — фыркает она.

— Я это понимаю, но...

— Нет, не понимаешь, — качает головой она. — Это самое главное для сурмамы — понять, что ты отдаешь не своего ребенка. Он их, тех людей, которые сдали биоматериал. Я просто позволяю малышу вырасти в моем животе. Без меня его вообще не было бы, сечешь? Я делаю людям хорошее дело, благодаря мне они станут родителями. Ты бы что предпочла? Вырасти в животе сурмамы или вообще не вырасти? Вот!

Никогда не смотрела на этот вопрос под таким углом. Может, зря?

Глава 9. Кукушка

Глеб

Я приехал в клинику заранее, пожалуй даже слишком рано. Специально припарковался у входа, чтобы иметь идеальный обзор. Внимательно вглядываюсь в каждое женское лицо, чтобы не пропустить то самое, на которое вот уже несколько дней люблюсь в телефоне.

Это заняло у меня время, но я нашел подходящую мать для будущего ребенка. По глупости сначала доверил это Анжеле, но жена не справилась, как обычно. Так что я все взял в свои руки. Как всегда.

Не собираюсь полагаться на волю случая в таком важном вопросе. Мне нужен идеальный сын, и я получу его к своему тридцатилетию. Отличный подарок для меня. Все, как я и планировал.

Встреча с врачом-консультантом назначена на восемь утра, но выбранной мной девушке велели явиться чуть раньше, по моей просьбе. Хочу якобы случайно встретиться с ней в коридоре, коротко переговорить, посмотреть на нее, убедиться, что это именно та особа, и меня не пытаются облапошить.

Мирослава Горцева, двадцати двух лет от роду, имеет трехгодовалого ребенка.

Кукушка, как зову ее про себя.

А кто она еще, после того как отдала на воспитание родственникам супруга своего первого ребенка? Что за дурь у бабы в голове, если она оставила сына и усвистала от мужа в столицу? Ей денег охота? Ей стало скучно в провинции?

Нет, мне плевать, естественно. Еще я не задумывался о мотивах глупых куриц, которые летят в Москву за счастливой жизнью. Просто ненавижу баб, которые бросают своих детей.

Я ведь тоже сын такой кукушки. Она родила меня, пару лет со мной помыкалась, а потом бросила одного в съемной комнате, в коммуналке, и умотала на дачу к друзьям на несколько дней. Больше я ее никогда не видел. Если бы не соседи, может, я там и помер бы. Спасибо им, вызвали соответствующие службы, считай, повезло. Потом мать подписала отказ от родительских прав. Ничего, я как-то выжил, окреп, теперь у меня своя семья. Только не хватает ребенка.

Жаль, завести потомство по-нормальному не получилось, просчитался я с выбором супруги. Серьезный косяк! Ну ничего, поправлю дело.

Обидно только, что в матери моему сыну достанется девчонка, не отягощенная такими понятиями, как совесть, ответственность. К тому же у нее напрочь отсутствует материнский инстинкт. Сбагрила ж первого! Аж коробит от таких мамаш. Однако она здоровая и понравилась мне внешне. А именно внешность имеет для меня краеугольное значение.

Смотрел на фото кандидаток в суррогатные матери и просто с души воротило, а тут приятное лицо, даже чем-то родное показалось, хотя это совершенный бред. Глаза у нее особенные, цепляющие. Я не одну ночь думал над разными кандидатурами, взвешивал все за и против, в конце концов решил — она.

Я бы, конечно, предпочел взять нерожавшую, чтобы без всякого эмоционального багажа, но это запрещено. Оказывается, женщина должна иметь хотя бы одного ребенка, для того чтобы стать суррогатной матерью. Как по мне, глупое правило, совершенно ничего не гарантирующее. Любая беременность может пройти с осложнениями, как мне объяснили. Или без осложнений.

По-хорошему я бы мог вообще обойтись без клиники, просто взять ту же Мирославу, заделать ей ребенка по старинке, а потом предложить отказаться от родительских прав. Она бы не артачилась, отдала же первого. Но я дочку не хочу, мне нужен только сын.

Поэтому клиника, поэтому ЭКО и все эти бумажные проволочки.

В общем, что имеем, то имеем.

Пусть мамаша не ахти каких моральных устоев, зато здоровая и красивая.

Впрочем, чего я вообще переживаю? Моя мать, скорее всего, была такой же, но я ведь вырос абсолютно нормальным человеком, достойным членом общества. А мой пацан

даже не узнает, что его будет воспитывать не его биологическая мать.

Да, знаю, по отношению к Анжеле я поступаю не слишком красиво, но брать ее яйцеклетку для оплодотворения не буду точно. Она с дефектом, а мне оно для будущего потомства не надо. У меня-то идеальные живчики, для них нужен подходящий биоматериал.

Это, кстати, якобы запрещено — брать биоматериал у суррогатной матери. Впрочем, выбирать пол ребенка тоже запрещено, но в какой стране живем. Тут все запрещенное при нужных манипуляциях становится разрешенным. Все проблемы я с главврачом клиники уже решил.

Оно, вообще-то, и хорошо, что Мирослава без моральных принципов. Значит, точно не возникнет проблем, когда придет время забрать ребенка.

Забавно даже — сыну кукушки родит кукушка.

Посмеиваюсь своим мыслям и тут вижу, как к клинике приближается она.

На какой-то миг замираю, отмечая, какая у нее плавная походка, как развеваются на осеннем ветру ее пушистые волосы, как забавно она морщит носик.

Красивая девушка эта Мирослава. Миндалевидные глаза, пухлые губы... К тому же у нее на редкость симметричное лицо, а кто бы знал, как я люблю симметрию. Издалека она кажется мне очень привлекательной, а еще такой... невинной, что ли?

Снова посмеиваюсь сам себе. Невинная, ага, аж три раза.
Не после того, что я узнал из ее анкеты.

Открываю дверь машины и спешу вслед за ней.

Все-таки природа большая шутница — зачем наделять ку-
кушку такой миловидной внешностью?

Глава 10. Встреча

Мира

Сегодня нервничаю как никогда. Спешу в клинику «Счастливые родители», хоть и знаю — я пришла сильно заранее.

Почти не спала ночью, вся искрутилась на кровати, переживала о том, как пройдет встреча с будущими родителями ребенка.

Не думала, что все получится, но, кажется, выходит.

Спасибо Ляле, она свела меня с врачом, который устроил для нее все. Оказалось, сурматеринство в Москве — распространенная практика. Здесь полно бездетных, отчаявшихся пар. Очень скоро я попала в клинику, которая специализируется на услугах такого рода. Они делают все — обследование, оплодотворение. Там же ведется наблюдение за беременностью, при необходимости кладут на сохранение, лечат. Рожают сурмамочки в той же клинике. Под роддом выделен целый этаж. Полный пакет, как говорится.

А как там все красиво и чисто. Белые коридоры и кабинеты — прямо мечта чистюли. Жаль, не все больницы такие, как эта клиника.

Конечно, пришлось пройти массу проверок. Кажется, у меня выкачали литры крови на анализы и заглянули везде,

где только можно. Зато результат порадовал — я оказалась абсолютно здорова. Впрочем, на здоровье никогда не жаловалась.

А я еще идти не хотела... Ведь, как я вычитала, в сурмамы берут только рожавших, а Ляля сказала, что одну ее знакомую взяли так.

Молодые здоровые сурмамы — дефицит.

Менеджер, которая со мной работала, успокоила, сказала, что это не проблема и она все уладит. Мне подправили анкету и научили, что при случае нужно будет сказать будущим родителям малыша, которого мне предстоит выносить. А поскольку рожать буду в той же клинике, никто не узнает о том, что это будут мои первые роды.

Я для себя все решила — помогу отчаявшейся семье стать родителями, а потом буду устраивать свою жизнь.

Устроюсь на работу, а при помощи денег, которые мне вы платят, постараюсь как-то решить вопрос с жильем. На квартиру в Москве, конечно, не хватит, но, может быть, удастся взять ипотеку, а награда за сурматеринство станет первым взносом. Всяко лучше, чем дырка от бублика, которая у меня есть сейчас.

Плюс пойду учиться. На самом деле ждать до родов не собираюсь. Начну учиться прямо сейчас, благо курсов в Москве миллион. Я как залезла в интернет, так и обалдела. Кажется, вся столица только и делает, что учится.

С нервным вздохом тянусь к двери клиники, хочу от-

крыть.

Однако меня опережает какой-то мужчина в черном полупальто.

— Позвольте? — говорит он нарочито вежливо.

Поднимаю взгляд на его лицо и на секунду застываю.

Бывают же такие мужчины... Он будто с обложки журнала — весь такой аккуратный, холеный, с уложенными набок темно-русыми волосами и короткой бородкой. Интересно, мягкая? С трудом подавляю желание погладить его по щеке. Представляю, какой душой он меня посчитает, если так сделаю.

А взгляд цепкий, внимательный, будто даже оценивающий.

Э, нет, не надо меня оценивать, я не готова ни к каким знакомствам, да и не место тут для знакомств — клиника планирования семьи все же.

Без слов юркаю в открытую для меня дверь и спешу к лифту. В ранний час клиника полупуста и возле лифта ни одного человека. С силой жму кнопку, хочу, чтобы лифт побыстрее приехал и увез меня подальше, но красавец-незнакомец оказывается позади меня до того, как кабинка опускается на первый этаж.

— Все в порядке? — спрашивает он озабоченным голосом.

Снова поворачиваюсь к нему, рассматриваю лицо более внимательно. А все же какой красивый мужчина! Высокие

скулы, квадратный подбородок и губы, хоть и грубо очерченные, но такие удивительные...

Мысленно хлопаю себя по лицу. Очнись, Мира! Ты раньше не видела красивых мужчин? Он же женат, наверное, раз появился в этой клинике.

Опускаю взгляд, вижу на правой руке золотое кольцо. Женат. После этой информации резко прихожу в себя. Ну, почти прихожу.

— Девушка, с вами все в порядке? — спрашивает он уже настойчивее.

— Да, да, извините, задумалась, — пыхчу, старательно пряча взгляд.

Подумает, что какая-нибудь психованная. А впрочем, какая разница.

Двери лифта наконец открываются, и мы оба оказываемся в просторной кабинке. Я нажимаю на кнопку пятого этажа, ухожу в сторонку, прячу взгляд. Вдыхаю, и вдруг нос начинает щекотать от запаха мужского одеколona. Сандаловое дерево, цитрус... Этот незнакомец даже пахнет вкусно!

Удивляюсь, когда мужчина выходит на том же этаже, что и я.

Мне становится очень жарко, решаю снять куртку, хочу повесить ее на вешалку, которая находится возле банкетки светло-лимонного цвета.

— Позвольте? — он снова оказывается рядом и спешит помочь мне повесить куртку.

То ли чересчур вежливый, то ли...

Мне не нравится, как он меня разглядывает, есть в этом нечто чересчур интимное, что ли?

— А кофту снять не хотите? — вдруг говорит.

Осматриваю свою объемную вязаную кофту, которую надела на водолазку. Я в ней как бочонок, но зато она теплая. Однако с чего вдруг мне такой вопрос?

— Что? — спрашиваю с удивленным видом.

— Кофту снимите, пожалуйста, — говорит он неожиданно огрубевшим голосом.

Это уже не просьба, приказ. Я много таких получила за жизнь.

Тут-то все очарование, какое я испытала до того, разом испаряется. Понимаю, что передо мной совсем не душка, а скорее какой-то озабоченный хам.

— Никакую кофту я снимать не буду! Я сейчас охрану позову! — тут же заявляю строго и складываю руки на груди.

Сама себе поражаюсь — раньше ни за что не посмела бы так дерзко ответить совершенно незнакомому человеку, пусть и хаму. Но за последние недели у меня будто прорезался голос.

— Я думаю, мы не с того начали, Мирослава, — вдруг говорит незнакомец.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я отец будущего ребенка, которого вам надлежит выносить, — произносит он.

Пффф, угораздило же меня! Ну, могла бы и догадаться — явился спозаранку, вышел на том же этаже, прошел к тому же кабинету, что и я. Не думала, что придется вынашивать ребенка такому красавцу. Впрочем, какая мне разница?

А он все продолжает настаивать:

— Снимите кофту, пожалуйста, я хочу посмотреть на вашу фигуру. Я имею на это право.

Хлопаю ресницами и не понимаю, при чем тут вообще моя фигура.

— Вы себе ищете стриптизершу или сурмаму, простите?

Глеб

— Вы себе ищете стриптизершу или сурмаму, простите?
— лепечет она с возмущением.

Она.

Мне.

У самой в кармане вошь на аркане, а гонору на пару миллионов.

Безработная, без образования. Ни на что другое не способна, кроме как родить ребенка. И вот такая мадам будет учить меня вежливому общению?

Ненавижу никчемных людей, которые что-то там о себе мнят. Так и тянет сбить спесь.

— Вы думаете, меня интересует ваша фигура? — спрашиваю с прищуром. — Спешу заверить, это не так.

Мира вся будто подбирается, резко превращается обратно в скромницу, прячет взгляд.

Вот так, милая, нечего задирать нос.

— Тогда зачем вы попросили меня о таком? — тихо интересуется она.

— Я просто хотел убедиться, что у вас нет физических недостатков, например искривленного позвоночника или даже горба. Это может напрямую повлиять на здоровье будущего ребенка, — отвечаю с самым серьезным видом.

Она недоуменно на меня смотрит.

— У меня нет никакого горба, — заявляет обалдевшим голосом.

М-да, с горбом это я перегнул палку, и так видно, что его нет. Да и не взяли бы ее в суррогатные матери с таким недостатком. Но мое объяснение сработало, Мирослава поверила, что это и есть причина. На самом-то деле мне хотелось увидеть, какая она без этой жуткой кофты. Посмотреть на размер ее груди, талию. Ладно, думаю, еще будет такая возможность.

В это время в коридоре появляется консультант в белом халате. Он приглашает нас пройти.

Спешу в кабинет, вскользь наблюдаю, как Мирослава семенит следом.

Втроем усаживаемся за стол переговоров.

— А ваша жена будет присутствовать? — спрашивает она у меня.

— Это ни к чему, — качаю головой. — Все ключевые решения в нашей семье принимаю я.

Вижу, как мой ответ настораживает ее, и не понимаю причины. Возможно, в ее семье это не так и ее угораздило выйти замуж за тьюфяка... Не удивлюсь, если так. Какой нормальный мужик отпустит свою бабу в столицу рожать кому-то ребенка? Ну бред же. Я бы ни за что не отпустил. Тем более такую, как Мирослава. Хорошенькая как картина, жаль, содержимое души подкачало.

Консультант поправляет на носу очки в тонкой оправе, приглаживает черные коротко стриженные волосы и поворачивается к Мирославе:

— Я распечатал для вас обновленную версию договора, прошу ознакомиться.

С этими словами он протягивает ей толстую папку с бумагами.

— Обновленную? — тут же начинает беспокоиться она.

— Я и мой юрист внесли в договор кое-какие правки, — тут же вклиниваюсь в разговор.

Мирослава нервно сглатывает, начинает бегать взглядом по строчкам.

Даю ей время на чтение документа, дожидаясь момента, когда она поднимает на меня удивленный взгляд.

— Что-то не так? — интересуюсь, нахмутив брови.

— Мне непонятен пункт «жить в месте, которое вы мне предоставите». У вас дома?

— Зачем? — У меня взлетает левая бровь. — Я сниму для вас квартиру, где вы и будете проживать на протяжении всей беременности, вплоть до момента, пока вас не положат в роддом.

— Ах, вот как... — вздыхает она.

— Я обеспечу вам все, — заявляю ей. — Жилье, пропитание, деньги на мелкие расходы, траты на обследования, медикаменты. Взамен вы по первому требованию предоставляете мне развернутый отчет. Никуда из Москвы не выезжаете, ведете здоровый образ жизни. Еда, сон, физические нагрузки, осмотры врачей.

— Я понимаю важность здорового образа жизни, — кивает Мирослава. — Но зачем какие-то отчеты, я и так...

— Я должен все держать под контролем, — тут же ее перебиваю. — Для меня критически важно лично следить за тем, чтобы с моим будущим ребенком все было хорошо. И я готов щедро компенсировать возможные неудобства. Обратите внимание на сумму, которую вы получите после рождения мальчика.

Мирослава листает договор, заглядывает в конец и глаза ее круглеют еще сильнее, чем раньше. А ты жадина, оказывается. Впрочем, мне это только на руку.

— Вы получите эту сумму при условии, что будете неукоснительно соблюдать все пункты договора, — говорю серьезно.

НЫМ ТОНОМ.

— Ясно, — тихо вздыхает она. — Вы можете гарантировать, что руководствуетесь только здоровьем и безопасностью будущего ребенка?

— Естественно, и если вы потрудитесь внимательнее прочитать договор, то этот пункт там тоже найдете.

Мирослава снова утыкается в договор, еще некоторое время что-то там напряженно вычитывает. Наконец удовлетворенно кивает.

— Хорошо, меня устраивают условия. И спасибо за щедрое предложение.

Еще бы! Не нищebroду рожать собралась. Вслух этого, естественно, не говорю.

Озвучиваю последнее условие:

— Конечно же, мне нужно будет встретиться с вашим мужем, лично переговорить, убедиться, что он не будет иметь никаких претензий...

Мирослава отчего-то пугается, качает головой:

— Это ни к чему!

Ее ответ настораживает.

— Еще как к чему, — настаиваю. — Я не хочу никаких сюрпризов, вдруг он будет против или как-то повлияет на вас...

— Я подала на развод, — вдруг заявляет Мирослава. — Скоро нас разведут, так что он не будет иметь никакого отношения ни ко мне, ни к моей беременности...

— Это хорошо, — киваю с довольным видом. — Тогда вам тем более не составит труда выполнить пункт договора, запрещающий любые контакты сексуального характера. Никакого интима все девять месяцев.

— Что? — Мирослава закашливается.

— Это прописано в договоре, — строго прищуриваюсь.
— Как вы его читали?

— Простите, этот момент упустила... Не понимаю, зачем прописывать такие нюансы...

Меня аж передергивает.

Неужели она думает, что сможет с кем-то спать, пока будет носить моего ребенка? Чтобы чужой мужик в нее... Ну нет.

— Это частая практика, — спешит успокоить ее консультант. — Видите ли, секс на разных сроках беременности может негативно повлиять...

Мирослава резко краснеет и начинает тараторить:

— Да я и не собиралась ничем таким заниматься, просто удивилась...

Выдыхаю с облегчением, улыбаюсь ей:

— Вот и договорились. Я поручу своему юристу проконтролировать вопрос с вашим разводом, а после наступления беременности вы переедете в квартиру, которую я для вас подыщу. Будете под моим надзором.

Отчего-то мне крайне приятно приложить руку к ее разводу. А еще приятнее, что следующие девять месяцев, пока

Мира будет вынашивать моего ребенка, к ней никто не прикоснется.

Я прослежу! Я буду очень внимательно следить...

Глава 11. Свидетельство о разводе

Антон

Меня буквально трясет от злости.

Как такое могло произойти со мной? С моей семьей?

— Это невозможно... — рычу, глядя на зеленоватую бумажку.

Свидетельство о расторжении брака.

Никогда не думал, что обзаведусь им...

Упираюсь руками в кухонный стол, тяжело дышу, пытаюсь успокоиться. А потом хватаюсь за край столешницы и с силой поднимаю. Стол с грохотом валится на пол, а вместе с ним и грязные кружки с кофе, которые успели там скопиться за несколько дней.

— Сука! — ору что есть мочи.

И все равно не могу поверить, что Мира так со мной поступила.

Садистка, тварь...

Она просто слиняла от меня без слов, растворилась в воздухе, а я искал ее по всему городу, как последний дурак. Где только не был! Навестил всех ее знакомых по три раза, у предков ее чуть не поселился, все пытался выяснить, где она, что с ней.

Потом я все же написал заявление о пропаже в полицию,

хоть отец и был против, не хотел шумихи. Но мне жена дороже...

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что она купила в Краснодаре билет до Москвы. Но на этом ее след потерялся. Телефон она так и не включила, новую сим-карту не приобрела.

Я грешным делом подумал — сгинула моя Мира. Чего проще? Она и здесь-то не слишком хорошо ориентировалась, куда ей одной в Москве, она ж ни на что не способная. А тут — на тебе... Получил от своей ненаглядной повестку в суд. Я ждал, что она явится туда, хотел поговорить, как-то решить вопрос, но мерзавка в суд так и не явилась! Прислала своего представителя, и на этом все.

Иди, Антошка, на хрен.

Наняла там какого-то ушлого адвокатишку и станцевала на моих костях. Как еще можно назвать этот фарс в суде? Этот прохвост обтяпал все будто в цирке, так и сыпал доводами и терминами. Сколько дней прошло после заседания, а я все не могу отойти, успокоиться.

Я согласия не давал, а нас все равно развели. Детей нет, претензий на имущество тоже, так что дело было решено не в мою пользу. Я судье денег хотел дать, чтобы затянул процесс, так тот не взял, что вообще странно.

Не понимаю, какого хрена в нашей стране такие уродские законы? Какой долбоящер придумал разводить супругов, если муж несогласен? Это нарушение прав человека! Это пол-

ный кирдык!

— Кирдык тебе, Мышь! — скрежещу зубами.

Найду и прибыю на хрен.

Никто не смеет бросать Антона Горцева...

Главное, даже деньги мои ей не нужны! За весь период брака пальцем о палец не ударила, на мои средства жила, а тут вдруг не надо ей ничего. Что за бред?

Я был ей плохим мужем? Так если бы! Я был офигенным мужем. Я, мать ее так, заботился о ней, вкалывал как проклятый, каждую копейку в дом, все в сейф. Денег жене особо не давал — это да. Но все потому, что она тратить не умеет, а я копил на машину получше. Она же должна понимать такие элементарные вещи, так?

К тому же я ей ни разу не изменял. Вообще ни единого! А тот раз с Сонькой, секретаршей, вообще не считается, я тогда даже не финишировал. Почти. Да и не знала Мира про это, я ей строго-настрого запретил лазить в мой телефон и не ловил ее на этом ни разу. Ее телефон проверял, да, но мне, как мужу, положено. По статусу, так сказать.

Надо было лучше проверять! Больше ее контролировать. Сейчас бы не сидел один в грязном доме.

Ладно, временами перебарщивал со строгостью, я согласен, мне это свойственно. Но нормальные жены из-за такого не уходят! Мне какая-то бракованная досталась, ей-богу.

Может, Мира что-то не так поняла? Или кто-то про Дашку стуканул? Так я ж с ней еще даже ни разу не шпильнулся.

Могла узнать про Дашку?

Тут-то до меня и доходит — вот истинная причина, почему Мира ушла.

Наверняка приревновала, решила меня повоспитывать и сбежала. Девкам свойственно обижаться на всякую хрень. Я раньше думал — она не такая. Но выходит, что именно такая и есть.

Точно из-за Дашки! Сто пудов. Потому что ту ересь, которую адвокатишка выдал в качестве причин расторжения брака, просто на голову не натянешь. Несовпадение характеров — разве причина? Отговорка это, а не причина. Или еще вот — «домашняя тирания»... Какая, в задницу, тирания? Тирана нашли, ептель... Она головой долбанулась, что ли?

Кстати, если Мира решилась на развод из-за Дашки, все можно разрулить. Когда она пропала, я ж даже к этой девке ни разу не съездил. Все время только тем и занимался, что искал жену.

Внезапная идея бодрит. Уже почти жалею, что в очередной раз устроил на кухне погром. Ставлю стол на место, плююсь на коричневые разводы на белой поверхности.

— Вот что я сделаю... — пыхчу, глубоко вздыхая. — Я отправлюсь в Москву, найду Миру и...

Прибью на хрен!

Сначала прибью, а потом спрошу: «Какого ляда ушла?» Если бы она сразу сказала, что узнала про Дашку, я б ее разубедил. Я ж люблю жену, мне больше никто не нужен. Мне

ее не хватает, я ее одну хочу.

Так не делается, молча никто не сбегает. Она должна понять, что очень жестоко поступила по отношению ко мне.

Она ответит за свои действия, ой как ответит.

А потом я заберу ее домой.

Глава 12. Прелесть

Мира

— Моя прелесть... — шепчу я.

Поглаживаю документ, лежащий на кухонном столе, покрытом клеенчатой скатертью.

Самый важный в моей теперешней жизни документ — свидетельство о расторжении брака. С моих губ не сходит улыбка. Наконец я свободна, осуществила главную мечту последних лет.

Прощай, Горцев, я не буду по тебе скучать.

Можно немного выдохнуть.

Все время, пока длился бракоразводный процесс, я была как на иголках, и на то имелись все причины. Очень боялась, что Антон будет вставлять палки в колеса и затянет процесс на многие месяцы. Он вполне на такое способен, его папа практически стал мэром города, у него там все знакомые.

Однако у моего адвоката, Марка Натановича, тоже нашлись связи. Знакомый знакомого его знакомого оказался родственником судьи и по совместительству жутким должником — вот такая знатная вышла цепочка. В общем, ему удалось договориться с судьей, чтобы нам не давали времени для примирения и развели на первом же заседании. Помогло и то, как грамотно и талантливо адвокат составил исковое

заявление — настоящий профессионал.

Меня очень пугало поначалу, что Марк Натанович может рассказать Глебу Викторовичу про то, что никакого ребенка у меня нет. А тогда прощай сурматеринство. Где я нашла бы второго такого Глеба Викторовича, который предоставит мне бесплатного адвоката для развода, да еще и заплатит за вынашивание ребенка такую космическую сумму?

Но вариантов у меня не было, поэтому я решилась на отчаянный шаг — попросила Марка Натановича не разглашать деталей моей биографии, пусть за его услуги платила не я. Удивительно, но он отнесся ко мне с большим пониманием. Уверил, что он ни в коем случае не будет обсуждать ни меня, ни мое дело с кем бы то ни было, включая Глеба Викторовича. Оказывается, для адвоката тайны клиента — святое, и он не имеет права их разглашать.

«Сами расскажете Глебу что посчитаете нужным», — сказал он мне.

Повезло, что Марк Натанович и вправду оказался неболтлив. А еще повезло, что Глеб Викторович — очень занятой человек. Все, что он сделал, так это отвез меня в контору своего знакомого, представил как подругу, а дальше дело двигалось без его участия.

И вот все сладились, я теперь свободна как птичка, даже захотелось запеть.

— Ура! Ура! — тихонько радуюсь, попивая зеленый чай. Тут в кухню входит Ляля.

Ей до родов осталось всего чуть.

— До сих пор радуешься? — хмыкает она, глядя на мое свидетельство о расторжении брака.

— А то! Теперь главное — чтобы ЭКО прошло удачно, и можно успокоиться...

Ляля присаживается на табуретку напротив, складывает руки на столе.

— Слушай, а ты уверена, что тебе стоит так доверять этому твоему Глебу Викторовичу? Какой-то он мутный... Кон-тракт толщиной чуть ли не с томик «Войны и мир», отдельное место для проживания, которое он сам одобрит. Отчеты всякие... Оно тебе надо? Нашла бы кого попроще...

— Ага, — нервно хихикаю. — Он мне за адвоката запла-тил, вопрос решил, теперь можно его и послать подальше, да? А что если он мне выставит счет? Да и зачем бы мне такое делать?

— Просто как-то это все очень подозрительно, что он стремится тебя поселить в какую-то свою квартиру. Вдруг это его сексодром? Станет тебя помогать... Так с сурмама-ми себя не ведут, никто никаких отчетов не требует и место проживания с момента зачатия не предоставляет. Он, скорее всего, на тебя запал...

— Да ну! — машу рукой. — Ты бы его видела, Ляля! Там такой мужик, просто вау... У него жена вообще как модель, я нашла его в соцсети — там выложена пара свадебных фото. Сейчас покажу...

Листаю в телефоне страницы, нахожу нужный профиль, открываю фото.

— Вот, смотри. Где она, и где я!

Ляля разглядывает изображение Глеба Викторовича и высокой фигуристой блондинки в пышном платье.

— Ой, как по мне стерва-страшко она, а не фотомодел, — воротит нос Ляля.

— В любом случае он мне не предлагал никакую постель, — качаю головой.

Тут вдруг вспоминаю, как он просил меня раздеться, когда мы только познакомились. Отмазался тем, что хотел проверить, нет ли у меня горба. Глупость же ужасная!

О, Глеб Викторович — не подарок, это стопроцентно. Он жуткий циник, строг не в меру, а еще все любит держать под контролем. Но ведь никаких намеков не делал, так? Значит, по идее, можно довериться. Плюс пункт в контракте, по которому я не имею права ни с кем заниматься сексом. Без исключений, между прочим!

Вспомнив про это, с облегчением выдыхаю, но все-таки решаю быть с ним начеку...

Тут слышу, как звонит телефон. Достаю его, и неприятное предчувствие пробегает по спине холодком.

Звонит Глеб Викторович.

— Помяни черта всеуе...

Глава 13. Мышку в норку

Глеб

— Мирослава, вы получили свидетельство о разводе? — спрашиваю, услышав ее нежное «Алло».

— Да, получила. Еще раз спасибо за помощь, Глеб Викторович.

— Отлично. Собирайтесь, я заберу вас в течение пары часов.

— Куда? — задает она гениальный вопрос.

— Как это куда? Я же говорил, что сниму для вас квартиру.

— Но я думала, это случится после ЭКО... — слышу ее недоуменный взглас.

Оно бы, конечно, было более логично — поселить ее в съемную квартиру после наступления беременности. Только тут вот какое дело — я ее сейчас видеть хочу.

А что? Имею право. Мы заключили договор, так что она теперь моя с потрохами. К тому же мне важно знать, что она живет в нормальных условиях, хорошо питается.

— Какая разница, когда вы переселитесь? — спрашиваю с деланным равнодушием. — Квартиру я уже снял, все вам покажу, расскажу. Потом у меня не будет времени ездить с вами куда-то.

— Ах да, конечно, я понимаю, вы занятой человек... — лепечет она.

— Вы успеете собраться за два часа?

— Вполне, — соглашается она.

Кладу трубку, а потом долго смотрю на изображение в телефоне. Я сфотографировал Мирославу во время нашей прошлой встречи. Втихомолку, разумеется. Случайный кадр — на нем она повернулась к окну. Получилась эдакая романтическая дама, посматривающая за прохожими. Красиво, даже стильно, еще лучше бы было, сними она тогда свою дурацкую вязаную кофту.

Я установил это фото на звонок и теперь периодически им любуюсь. Нет, нет, не названиваю ей, я ж не дебил какой. Хотя хочется временами. У нее такой голос, что-то особенное в тембре — он нежный, будто ласкающий, что ли. Не знаю, как описать.

Два часа, которые дал Мирославе на сборы, тянутся бесконечно. Причем это странно — обычно у меня на работе время не то что бежит, несется. День заканчивается в один клик. А тут будто жвачка, а не два часа. Ладно бы не было дел, так они есть! Мне отчеты надо проверять, а я за них даже не брался. Вот решу вопрос с девчонкой, тогда уже навалюсь на работу в полную силу.

Выхожу из офиса раньше, приезжаю к нужному дому, жду еще полчаса и только тогда пишу: «Я на месте».

Как только отправляю сообщение, сердце начинает дол-

биться о грудную клетку, как будто мне вкололи огромную дозу адреналина.

А потом вижу, как Мирослава появляется из подъезда, и забываю обо всем на свете. Просто люблюсь красивой девушкой, которая идет к моей машине.

Поздно спохватываюсь, выскакиваю на улицу, чтобы помочь ей забраться на заднее сиденье. Во время дороги жалею, что не посадил Мирославу рядом. Может, пообщалась бы со мной немного. А так всю дорогу промолчали. Впрочем, о чем мне с ней беседовать? Там же наверняка пустая кубышка.

Я снял для нее квартиру неподалеку от офиса — так мне будет сподручнее к ней заскочить, если что.

Показываю квартиру:

— Здесь спальня и зал, вон там кухня.

Мирослава прижимает к себе рюкзак, с опаской оглядывается.

— Это очень шикарная квартира, — вдруг выносит она свой вердикт.

Ну да, не в клоповник ее поселил, снял жилплощадь в нормальном доме. Здесь недавно сделан ремонт — дизайн в светлых тонах, новая мягкая мебель, кровать. Кухонный гарнитур приятного мятного цвета. В общем, квартира, подходящая для девушки.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — киваю ей. — Жилплощадь ваша вплоть до родов, плюс месяц на восстановление.

ние.

— Спасибо! — говорит Мирослава чересчур громко. Видно, от переизбытка чувств.

— Пожалуйста, — киваю ей.

Любоваться ее восхищенной физиономией — одно сплошное удовольствие. Она будто светится изнутри.

Эх... Не будь я женат, взял бы ее к себе, честное слово. Однако не вижу смысла менять шило на мыло. К Анжеле меня поначалу тоже дико тянуло, хотя сейчас это чувство исчезло. Наверняка с Мирославой через некоторое время будет так же. А по внутреннему содержанию эти две девчонки — один в один. Обе любят деньги и не работать, обе видят во мне ходячий кошелек. Ладно, жену еще интересуется, что у меня в штанах. Кстати, она хоть проверенный вариант. Слушается меня, неукоснительно следует нашему договору. А Мира — кот в мешке, точнее в кофте. Далась ей эта уродская вязаная хламида! И сегодня ее напаялила, дуреха.

Бесит! Так фигуру и не рассмотрел.

Естественно, держу свои мысли при себе.

— Устраивайтесь, Мирослава. Если что-то понадобится, звоните.

Жадно ее оглядываю — на посошок, так сказать. Теперь ведь уже долго не увижу, хоть чуть-чуть насмотреться.

И тут она лепечет, растягивая губы в улыбке:

— Можно просто Мира.

— Не можно, Мирослава. Давайте без фамильярностей,

мы с вами на брудершафт не пили...

Грублю намеренно, чтобы сохранить дистанцию между нами.

— Извините...

Мирослава тут же теряется, опускает взгляд, вздыхает, да так глубоко, что ее грудь заметно приподнимается. Мне дорогого стоит не залезть ей под кофту. Почти жалею, что повысил голос.

«Все, Глеб! — приказываю себе. — Выдохнул, собрался и пошел отсюда вон, иначе никакого ЭКО этой девчонке попросту не понадобится, так ей ребенка сделаешь!»

А любовниц я не завожу — принцип у меня такой.

Киваю ей на прощание и выхожу из квартиры.

На лестничной клетке громко вздыхаю, вспоминая, как соблазнительно приподнималась при дыхании грудь Мирославы.

«Забыл!» — снова приказываю себе.

В конце концов, я сильный мужик, что я, со своим либидо не справлюсь, что ли?

Глава 14. Найти Мышь

Антон

Кручу руль, пытаюсь по навигатору сориентироваться на московских улицах. Тут черт ногу сломит, не то что я. К тому же устал как последняя собака — еще бы, почти без перерыва отмотать больше тысячи километров. Все своим ходом, на машине. Короткий сон в салоне автомобиля не в счет, это разве отдых?

Но если я что решил — это железобетонно.

Так всегда было и будет, я не намерен отступить от этого правила.

Моя жена вернется домой, уж я постараюсь. А свидетельством о разводе адвокат и судья пусть подотрутся.

Мира своим разводом сама выкопала себе яму, ведь теперь мне известен ее адрес в Москве. Не подумала об этом? Или не боится, что я заявлюсь в гости?

А я вот возьму и заявлюсь...

Я Миру со школы дрессировал, учил, как правильно надо себя вести. Она ручная была с семнадцати лет. Такое бесследно не исчезает. Пока встречались, вообще была как шелковая, в рот мне заглядывала, все губы подставляла для поцелуев. А когда поженились, конечно, характерец чуть испортился, пришлось закрутить гайки. Но в целом это был

удачный брак.

Мне нужна обратно моя ручная Мышь! Недаром у нее девичья фамилия Мышкина.

А то, что она вдруг взбрыкнула, — так это временно. Просто любит меня очень, вот и приревновала. Надо как следует поговорить, разъяснить, что она у меня одна, и я не собираюсь ей изменять. После этого мы соберем ее вещи и рванем обратно. Поженимся в следующем месяце, сделаю ей ребенка. Она ж хотела вроде, пару лет назад даже заикалась про это, хотя я заявил ей, что хочу пожить для себя и еще не время. Но, по ходу дела, время пришло.

Если Мира мне родит, точно уже никуда не рыпнется. Куда ей с прицепом? Поэтому сделаю ей ребенка сразу, и заживем нормальной семьей. Правда, придется терпеть спиногрыза... но это уже будут проблемы жены. Я и так на работе устаю, чтобы еще за малышкой следить. Отец мной в детстве в принципе не занимался — и ничего, я это прекрасно пережил. А потом, когда сын подрастет, уже можно будет приобщить его к делу.

Пусть Мира постарается и родит мне богатыря, так ей и скажу, когда будем заниматься сексом.

Специально приехал на машине, чтобы сразу забрать жену домой. Плевать, что устал. Умру, но привезу ее в родной город.

Я постарался подготовиться к ее возвращению. Выкинул дурь из башки и привел дом в порядок. Вызвал клининго-

вую службу, но они заломили такую цену, что я выгнал их на хрен. Сам прибирал, чистил ковер, мыл кухонный пол. Паршиво вышло, но Мира потом домоет. И так упарился весь, пока работал горничной.

Паркуюсь возле ее дома, отыскиваю нужный подъезд. Морщусь от стойкого запаха мочи в подъезде. Какой-то бомж нассал, что ли? И на это она променяла наш уютный дом? Там хоть чисто! Было... пока Мира там жила.

Захожу в лифт, нажимаю на нужный этаж, выхожу и оказываюсь прямо у коричневой двери с белыми цифрами «тридцать три». Номер квартиры, который был указан в документах.

Хочу постучать и... не стучу.

Надо же придумать, что ей сказать, так?

«Ну... это... возвращайся уже!» — единственное, что приходит на ум. Но так же нельзя. Это глупо и как-то стыдно.

«Я тебе не изменял!» — звучит как оправдание, но я же не оправдываться приехал.

«Люблю тебя, Мира!» — ну, это вообще по-слюняйски. Она меня кинула, а я ей в любви признаваться?

И тут в голову приходит идеальная фраза, прямо хоть записывай: «Это первый и единственный раз, когда я прощаю тебе такой косяк. Сейчас же сложила вещи и вышла со мной к машине. Ты возвращаешься домой. А если тебе не ясно, то я сниму ремень и объясню тебе по-другому...»

Да, с ремнем оно как-то лучше всегда доходит, отец часто

так говорил.

Стучу в дверь, мысленно проговаривая фразу снова и снова. Надо же, чтобы с нужной интонацией, чтобы прониклась. А еще надо как-то удержаться, чтобы не сопровождать слова подзатыльником. Еще испугается, закричит, ведь всегда реагирует на подобное как истеричка, а мне надо, чтобы она села в машину. Дома уже буду воспитывать, заново рассказывать, что ей можно, что нельзя.

Громко постучав, жду. Потом стучу снова и опять жду.

— Да что за на хрен? — не могу понять.

Долблю в дверь со всей дури, и тут выходит соседка в старом зеленом халате.

— Вам чего надо? Не живет здесь никто!

— Как это не живет? Тут должна проживать моя жена, Мира Горцева, — заявляю уверенно.

— Мира? Хорошая девочка, знаю, — кивает соседка. — Так съехала она, и подружка ее беременная — тоже.

Мое сердце пропускает пару ударов.

— Как это съехала? — тут же начинаю злиться. — Куда?

— Куда, не знаю, а забрал ее мужчина на хорошей такой машине, иностранной...

Меня будто обдаёт изнутри кипятком. Мужик на хорошей машине.

Кто такой?

Адвокат!

Кто еще? Больше некому. Да и зачем московскому адво-

кату защищать мою жену? У нее же ни денег, ни связей. Точно он...

Ну тогда ему вдвойне не повезло. Я знаю, как называется его контора, выяснил после позорного судебного заседания.

Туда-то и лежит мой путь.

Рулю через всю Москву, то и дело попадая в пробки. До этого приходилось пару раз бывать в столице, но тогда дороги были свободнее.

Кое-как добираюсь до места. Неожиданно мне везет, удастся прямо в фойе бизнес-центра наткнуться на ненавистную рожу. Как его там? Марк Островский, кажется? Лощеный, в деловом костюме, волосы будто корова языком лизнула. На что Мира могла повестись? На его смазливую физиономию? Так я тоже рожей ничего так. На высокий рост? Так я тоже не низкий!

— Ну привет, — цежу сквозь зубы. — Красть — это нехорошо, в курсе?

— Простите? — Он ведет бровью.

— Ты у меня жену украл, гнида!

— А-а... ясно, — кивает он с непроницаемым выражением лица. — Я вас вспомнил, Горцев. Спешу заверить, никакой жены я у вас не крал. А для того, чтобы жена не подавала на развод, надо с ней нормально обращаться. За сим попрошу вас удалиться.

Это Мира ему наговорила про плохое обращение?

— Я нормально с ней обращался! — рычу с надрывом.

— Нормально держать жену за прислугу и периодически ее поколачивать? Спешу заверить, уголовный кодекс с этим не согласен, впрочем, как и ваша бывшая жена.

— Это она нажаловалась? Все вообще не так... Где Мира?

— Не имею ни малейшего понятия, я свою работу сделал, и мы распрощались. Советую вам оставить девушку в покое...

— Если ты думаешь, что можешь спать с моей женой...

Я даже понять не успеваю, что происходит дальше. Секунда, и Островский кивает кому-то позади меня, а потом мне выкручивают руку.

— Ты че делаешь, урод? — ору, чувствуя резкую боль в плече.

Через минуту здоровенный охранник в черной униформе вышвыривает меня на улицу.

— Совсем охренели! — ору в закрытую дверь.

Я этого так не оставлю. Найду эту сучку, чего бы мне это ни стоило. Пора подключать тяжелую артиллерию. Позвоню-ка я отцу.

Ничего... есть в жизни такое понятие, как бумеранг. Всем прилетает, как от него ни убегай.

С — справедливость.

Глава 15. Тесты

Часть 2. Суррогатная мама

Глава 15. Тесты

Мира

Что сложного пописать на пластиковую полоску? Ничего, в общем-то... Но как страшно-то!

Купила парочку тестов, на третий денег пожалела, хотя их у меня теперь не в притык, благодаря Глебу Викторовичу. Положила на стиральную машинку в ванной и смотрю на них, как на мины замедленного действия. Вот узнаю, что беременна, и все — жизнь изменится на сто процентов. Хочу этого и боюсь. Даже не знаю, какое чувство во мне сильнее.

Впрочем, мои метания вокруг тестов на результат никак не повлияют. Я или уже беременна, или нет, ведь со дня ЭКО прошло две недели.

В конце концов, что я, зря пропивала все эти гормоны, витамины, терпела процедуру ЭКО? Неприятная процедура, надо сказать. Хотя биологическим матерям тоже несладко приходится: пункция яичников — это сомнительное удовольствие, а иначе яйцеклетку не получить. Мне ли не знать, я перерыла интернет в поисках любой информации по во-

прошу. Изучила все вдоль и поперек. Как хорошо, что мне не нужно было никакой пункции.

А все-таки я должна забеременеть. И пусть мне боязно от перспективы следующие девять месяцев быть под надзором у всевидящего и всезнающего Глеба Викторовича, но потом-то я буду свободна. Всего чуть потерпеть, Антона я же как-то терпела три года. Надо сказать, будущий папаша в разы приятнее в общении.

— Так, пошла и сделала тест! — бурчу себе под нос.

Распечатываю один, делаю необходимую процедуру, потом аккуратно кладу мокрый тест обратно на стиральную машину, жду.

Минута, две, три...

Полоска. Одна...

Но почти сразу появляется еле заметная вторая. Бледненькая такая, почти незаметная. Что бы это значило?

Распечатываю второй тест, использую и его. А пока жду, что покажет, на первом тесте вторая полоска значительно темнеет. Второй тест тоже оказывается положительным.

— Вот так да... Случилось...

У меня внутри все скручивается от непонятных эмоций. Стопроцентное залетание.

Ну вот и все. Быть мне суррогатной матерью. Я официально ношу ребенка Глеба Викторовича и его жены.

Достаю телефон, чтобы позвонить ему, и не решаюсь. Да, он сказал сразу звонить, если что. Но не в рабочее же время.

Наверное. Да? Вдруг я его отвлеку от чего-то важного? Он же такой занятой тип, у него и двух минут свободных нет, судя по разговорам и поведению. А тут я...

Он доброжелателен ко мне, это да. Даже заботлив, вежлив до зубного скрежета. Но несмотря на все это, я его честно и откровенно побаиваюсь. Чисто по-женски и без причины, ведь никаких поводов бояться он мне не давал. Даже ни разу не повысил на меня голос.

Просто какой-то он странный, этот Глеб Викторович. Очень резкий мужчина, такое ощущение, что все человеческое ему чуждо. Он как биоробот! Никаких фамильярностей, Мирослава. Никаких лишних обсуждений и вопросов. Да я и не хотела с ним никаких фамильярностей, просто не привыкла, чтобы меня звали полным именем.

Представляю, как жене Глеба Викторовича сложно с ним жить. Хотя с ней-то он, наверное, мягок и нежен, а совсем не официален, как со мной.

На секунду представляю, как такой мужчина, как Глеб Викторович, проявляет нежность ко мне. Подходит, берет за руку, целует в щеку...

И таю, причем самым постыдным образом.

Все-таки какой он привлекательный — ну чисто внешне, конечно. Душу-то не открыл, да и зачем бы.

Широкоплечий, весь такой представительный, важный, с пухлыми губами, наверняка очень нежными. Эх...

Так, Мира, нечего заглядываться на чужого мужика!

Еще не хватало врюхаться в папашу ребенка. Хуже ситуацию для суррогатной мамы и не придумать.

Это же абсолютно аморально — испытывать чувства к женатому человеку, к тому же мечтающему завести ребенка со своей женой. Это было бы низостью с моей стороны даже допустить мысль о возможных отношениях с ним.

Никогда не позволю себе такого. Глеб Викторович для меня табу.

Все же позвонить ему не решаюсь, набираю сообщение.

Глеб

— Здравствуйте, Иосиф Карлович, — недовольно цежу в трубку.

Мерю шагами свой просторный кабинет, слушая блеяние врача из клиники по планированию ребенка.

— Добрый день, Глеб Викторович. Как я рад, что вы позвонили... Третий раз за последнюю неделю. Я понимаю ваше нетерпение, и все же некоторые вещи просто требуют времени...

Резко останавливаюсь на месте, начинаю постукивать носком ботинка об пол.

— То есть вы хотите сказать, что у вас нет объяснений тому, почему спустя четырнадцать дней выбранная мной сур-

рогатная мать не беременна?

— Почему не беременна? — удивляется врач. — Еще ведь не ясно! Да имейте же вы терпение, в конце концов! Я вам сразу сказал, что узнаем не раньше, чем через две недели. Хочу заметить, что четырнадцатый день как раз сегодня. Я лично разговаривал с Мирославой два часа назад, и она сообщила, что купит тесты и все проверит. А завтра утром она в любом случае явится для сдачи крови на ХГЧ, тогда уж точно скажем...

Шумно выдыхаю.

— Я дико извиняюсь, но какого лешего вы сегодня не взяли у нее кровь на анализы? А лучше вчера!

— Всему свое время, Глеб Викторович. По протоколу положено ждать две недели...

Его ответ меня ни в коем разе не успокаивает. Наоборот, только подначивает.

— Я отвалил вашей клинике кучу денег и рассчитывал на результат, а мне заговаривают зубы...

— Что вы, что вы... Никаких зубов! То есть, я хотел сказать, я ничего вам не заговариваю. Все было сделано, как вы хотели. Я прошу, чтобы вы учитывали, сколько всего я сделал для вас, отработал каждый рубль! Я лично курировал все этапы этого дела. беседовал с Мирославой, объяснял ей, зачем надо пройти процедуру пункции яичников...

Кстати, этот момент я упустил. Как-то даже не подумал о том, что врачу надо будет аргументировать для Мирославы

тот факт, что у нее должны взять яйцеклетку перед тем, как делать ЭКО.

— И что же вы ей сказали? Надеюсь, вы не говорили ей, что используете ее яйцеклетку для оплодотворения? Мне не нужны с этим проблемы, я не хочу, чтобы она потом претендовала на моего ребенка...

— Не переживайте, пожалуйста! Вы у меня не первый с таким вопросом, — пыхтит в трубку врач. — Я объяснил девушке, что это нужно для анализов, она пошла навстречу...

Хм, а ума у Миры палата, похоже. Неужели даже не задавалась вопросом, какие такие анализы хочет сделать врач? Даже ничего не прочитала про то, через какие процедуры проходят суррогатные матери? Дуреха. Впрочем, мне ее беспечность только на руку.

— И все-таки я хочу как можно быстрее знать, ждать мне ребенка или нет, — строго чеканю в трубку.

— В таком случае почему бы вам не позвонить Мирославе? — спрашивает доктор.

Звонил, даже два раза. Неделью назад и четыре дня назад. Но не могу же я ей названивать постоянно. Хоть и хочу... Очень у нее сладкий голос по телефону, а особенно вживую.

И тут телефон жужжит. Смотрю на экран, вижу сообщение от Мирославы.

Сбрасываю разговор с врачом и открываю сообщение.

«Я беременна», — сообщает она.

Залипаю на эти два несчастных слова. Всего несколько

букв! Но сколько смысла...

— Молодца! Ух ты! — выдыхаю с чувством.

Первое мое желание — позвонить Мирославе, поздравить ее с наступлением беременности и долго благодарить за то, что пошла в сурматери, согласилась родить мне сына. Еле подавляю этот неуместный порыв.

Мирослава — наемный работник, не более. Разве наемных работников принято поздравлять или благодарить? Незачем, она этого попросту не поймет.

Но все же как это приятно — знать, что милая Мира беременна от меня. Сам не понимая причины, испытываю какой-то особенный кайф от этого факта. Аж прошивает удовольствием.

Да, если кому и делать ребенка, — так это ей.

Она внешне прямо цаца, очень мне нравится. Идеальное лицо, и в общении девушка приятна, что удивительно для такой внешности. Обычно такие красотульки те еще стервы, взять хотя бы мою жену. Впрочем, скорее всего, ее милый тон — показуха.

В любом случае Мирослава родит мне отличного пацана, а я уж его воспитаю, когда подрастет. Сделаю из него человека.

Кстати, сегодня первое декабря. Если прибавить девять месяцев, получается, Мирослава родит ребенка как раз к началу сентября! То есть я получу самый волшебный подарок как раз ко дню рождения. Вот это график, вот это точность... Я же себе именно так все и планировал лет пять назад. Ка-

рьера, женитьба, дом, сын.

А все ли у Мирославы в порядке? Не тошнит ли ее? А вдруг ей что-то нужно? Мороженое со вкусом селедки или седелка со вкусом мороженого. И вообще, достаточно ли у нее еды? Я что-то не заметил, чтобы она спешила затариваться продуктами. Дело в том, что я отслеживаю все ее покупки, поскольку она расплачивается моей картой, знаю доподлинно сколько и где она тратит. Там трат всего чуть.

Надо бы проверить, как у нее дела.

Интересно, это будет слишком, если я заявлюсь к ней проинспектировать холодильник, а заодно и ее самочувствие?

Нет, это будет определенно слишком. За ее самочувствием должны следить врачи, но совсем не я. И Мирослава более чем в состоянии сходить за продуктами — у нее супермаркет в доме напротив.

— Не поеду... — качаю головой. — Работы полно!

А рука уже тянется к ключам от машины.

Глава 16. Красная икра

Глеб

Выхожу из лифта обвешенный пакетами, прямо как ишак. В буквальном смысле нажимаю на кнопку звонка носом, ведь обе руки заняты.

Мирослава распахивает дверь и удивленно восклицает:

— Глеб Викторович, что-то случилось?

— Случилось, — киваю. — Вы совершенно не заботитесь о своем питании, Мирослава! Вот что случилось... Может быть, именно поэтому, когда вы делали тест неделю назад, он не показал наличие беременности. Вы не думали об этом? Надо лучше питаться!

Тут замечаю, что паршивка прыскает смехом, еле сдерживается, чтобы не расхохотаться в голос.

— Это немножко не так работает, — отвечает она, прикрыв рот ладонью.

Очень сомнительное высказывание, надо заметить.

— В любом случае я решил сам побеспокоиться, чтобы у вас все было...

С этими словами шагаю в квартиру, поворачиваю на кухню и сгружаю пакеты на широкий деревянный стол.

— Что вы, не стоило беспокоиться, — охает Мирослава. — Я же знаю, какой вы занятой человек. Кстати, зря вы дума-

ете, что у меня нет еды. У меня в холодильнике борщ, овощное рагу, сырники...

Я вроде не припомню никаких расходов из ресторанов по карте, которую ей вручил. Странно.

— И где вы все это взяли? — интересуюсь с прищуром.

— Приготовила, — пожимает она плечами.

М-да, о таком простом решении вопроса я как-то не подумал. Анжела никогда не готовит, у нас для этого есть приходящий повар. А меня к плите в принципе допускать нельзя. Когда жил один пробовал готовить, разумеется. Но каждый раз в результате получалась невероятная хрень.

— В любом случае это все для вас.

— Спасибо, — говорит она с улыбкой и тянется к пакетам.

Наблюдаю за тем, как Мирослава потихоньку перемещает содержимое в большой двухдверный холодильник. Причем делает это с таким выражением лица, как будто я вместо еды купил ей подарков. И сыр ей нравится, и колбаса, и фрукты, и шоколад. Радуетя как ребенок. А мне ее радость приятна до одурения.

— Вы скупили полсупермаркета? — интересуется она, потроша очередной пакет.

— Даже не четверть, — усмехаюсь.

Да, может быть, с продуктами я самую малость переборщил. Пока ходил по магазину с огромной тележкой, хотелось положить и то, и другое, да получше, повкуснее.

Нет, цель была не побаловать Мирославу, разумеется! За-

чем бы мне ее баловать? Глупость какая...

Просто я хочу, чтобы мой сын ни в чем не нуждался, не то что я в свое время. И плевать, что этот ребенок пока еще размером с микроскопическую горошину.

Тут замечаю, как Мирослава застывает, взяв в руки банку с красной икрой. Отчего-то именно это лакомство заставляет ее тяжело вздохнуть.

— Что-то не так? — спрашиваю, внимательно на нее смотря.

— Все отлично, только... Да ну, глупости, — говорит она.

— Может, поделитесь? — спрашиваю с прищуром.

Она пожимает плечами и отвечает:

— Папа не любит красную икру, поэтому ее покупали только на Новый год, и то когда у нас были гости. А я всегда ее очень любила... А тут целая банка мне одной...

Она говорит, а я вспоминаю, как мы праздновали Новый год в детдоме, когда я был еще совсем мелким. С едой было не очень, впрочем, как и со всем остальным. Основным праздничным блюдом был пирог с вареньем и малосъедобная рыба. Но в тот год какой-то спонсор принес целый ящик икры.

Воспитатели тут же прикарманили почти все, как старшие друзья потом рассказывали. Однако на праздничный стол все-таки попал целый поднос бутербродов с икрой.

Мне достался один.

Икры на нем было совсем немного, но вкус тогда показал-

ся мне настолько ярким, что я запомнил его на всю жизнь. Теперь у меня дома всегда есть икра. Для меня это особенно любимый продукт.

И для Мирославы, оказывается, тоже. Почему я купил для нее только одну банку? Дурень.

Интересно, сколько же у нас похожего с этой девушкой?

Так... Глеб, очнулся, прекратил мыслеблудие. Ты вообще-то женат, а это не просто девушка. Это наемный работник, который родит тебе сына. Она — просто живой контейнер, не более. Этим ее функции ограничиваются.

Хочу отвернуться от Мирославы и не могу. Застыл как истукан и с места сдвинуться не в силах.

Причем непонятно, что я вообще в ней нашел особенного, почему она меня так сильно интересует? Ну да, мордашка симпатичная, тут спору нет, еще голос приятный, походка плавная, девичья, но в остальном она ведь самая обычная девчонка.

Наблюдаю за тем, как Мирослава крутится у холодильника, периодически поправляя свою бессменную вязаную кофту. И вдруг неожиданно до меня доходит — вот почему меня так волнует ее внешность — это банальный незакрытый гештальт. Я же достигатор, привык добиваться своего, завершаю абсолютно все свои начинания. А тут, вот незадача, даже не увидел, какая у нее талия, попа, грудь. Поэтому и засела в мозгах. Видимо, подсознательно стремлюсь разгадать тайну, понять, что она скрывает под одеждой. Может быть

такое? Может! Я натура увлекающаяся. Вот увижу все своими глазами, и успокоюсь.

Надо бы как-то заставить ее снять треклятую кофту... только как?

Тему с «Мирослава, раздевайтесь» мы уже проходили, и она послала меня куда подальше. Второго такого раза не хочу.

Мира

Спешу домой, держа в руке пакет с хлебом, и вдруг слышу сзади:

— Мирослава?

От бархатного мужского голоса у меня аж дрожь по телу.

Тут же замираю, оборачиваюсь в сторону парковки. Вижу возле синего джипа Глеба Викторовича.

Спешно подхожу к нему, улыбаюсь как можно вежливее:

— Вы ко мне? Что-то хотели?

— Я на минутку, — заявляет он официальным тоном, каким всегда со мной разговаривает. — Мы с вами обсуждали, что нужно будет заниматься физкультурой для здоровья ребенка и вас. Я тут проконсультировался, что лучше подходит для беременных. Вот, купил вам абонемент в бассейн.

С этими словами он протягивает мне конверт с договором

и картой какого-то модного фитнес-клуба.

— Абонемент в бассейн? — удивляюсь столь неожиданному подарку.

— А что такого? — щурит глаза он. — Вы не любите плавать?

— Я не очень умею... — честно признаюсь. — Только по-собачьи.

— Там не обязательно уметь плавать, — пожимает он плечами. — Я все узнал, занятия для беременных проходят в бассейне с небольшой глубиной, вам нечего опасаться.

Он кивает мне, затем садится в машину и уезжает.

Провожая взглядом его джип и чувствую, как в горле растет ком.

Ну почему я не вышла замуж за кого-нибудь вроде Глеба Викторовича? Чтобы заботливый, чтобы внимательный... Вот так просто взял и преподнес такой удивительный подарок! Сколько себя помню, мечтала ходить в бассейн, но мама говорила, что это слишком дорого. А у Антона я на подобное и подавно денег не просила.

С тех пор, как я забеременела, чувствую себя так, будто у меня каждый день — день рождения. Глеб Викторович будто добрый волшебник.

Жена его, наверное, обожает!

Я бы обожала...

Глава 17. Ее дурацкий купальник

Глеб

Вот куда меня черт несет, а? Сидел бы себе, разбирался с новой программой в офисе. Еще утром выполнил свою норму по физическим тренировкам, как все нормальные люди — встал в пять утра и до семи бегал, разминался. Все, лимит на сегодня исчерпан, а если так сильно хочется поплавать — дома есть крытый бассейн.

Так ведь не-е-ет...

Понесло в дурацкий фитнес-клуб.

Хотя кого я обманиваю. Первым и единственным достойным поводом купить Мирославе абонемент в бассейн было желание увидеть ее в купальнике. В самом деле, ну не могу же я до конца века фантазировать, какая у нее фигура?

Посмотрел расписание занятий для беременных и сорвался из офиса напрямик сюда.

Клуб-то какой паршивый... Сам здесь раньше не бывал, а вот надо было сходить. И все вроде новое, чистое, даже стерильное. Но раздевалки не на пять баллов, максимум на четыре с половиной — и это с натяжкой. Шкафы для одежды узковаты, и проходы между ними не слишком широкие.

Быстро стягиваю с себя одежду, краем глаза замечаю, как мимо меня проходит какой-то кавказец с полотенцем на пле-

че. Вразвалочку так идет, вальяжно. Мотыляет всем, что имеет...

Никогда не понимал, зачем мужики ходят по раздевалке голые. Ну вот зачем трясти своим хозяйством перед себе подобными? Хвалятся, что ли? Слоновий хобот — это нынче модно?

У меня с размером все в порядке, переживаний по этому поводу нет, но вот так нарочито я бы свое хозяйство никогда не выставлял. Есть же рамки приличий!

Натягиваю на себя темно-синие плавки, черную шапочку для плавания, очки и выхожу из раздевалки.

Очень скоро оказываюсь в огромном помещении с бассейнами. Один совсем мелкий — метров пятнадцать-двадцать, явно для детей. Второй больше — метров двадцать пять. Именно там по моим прикидкам и должны проходить занятия для беременных. Есть и третий бассейн — огромный. Пятьдесят метров в длину, глубокий. Туда и иду. Устраиваюсь у самого края. Хоть что-то тут на пять с плюсом.

Народу почти нет, занята лишь пара дорожек в большом бассейне. Средний вообще пустует.

Спускаюсь в воду, остаюсь у края. Делаю вид, что привыкаю к немного отдающей хлоркой воде, и тут открывается дверь. В помещении появляется стайка девчонок разной степени беременности — кто с большим пузом, кто со средним. А среди них моя Мирослава...

Вычленяю ее из группы беременных девушек и смотрю на

нее во все глаза.

— Какой же у тебя дурацкий купальник, милая... — зло бурчу себе под нос.

Это ж надо было выбрать такой бабушкин вариант! Все прикрыл — и грудь, и задницу. Необъятная черная тряпка. Зато прелести обтянул как вторая кожа. А прелести там уж какие прелестные. Нет, я, конечно, понимал, что к такому лицу, как у Мирославы, должна прилагаться ладная фигура, но чтобы так...

Она идеально пропорциональна.

Мирославу будто спроектировали на компьютере, прямо как персонаж видеоигры, идеально выверили все выпуклости и впадины. Стройные ноги, плоский живот, грудь второго размера... У Анжелы третий, но в купальнике она смотрится совсем не так красиво.

Жадно сглатываю, ругаюсь про себя.

Ну что, Глебка, посмотрел на красоту? Легче стало? Ух, если бы...

Мирослава меня не замечает, поскольку нас разделяет приличное расстояние. Она идет с остальными девчонками к среднему бассейну. Очень скоро туда приходит тренер, включает музыку, и все начинают двигаться в воде.

Занятие для беременных длится полчаса.

Все это время наматываю круги в большом бассейне, стремлюсь освободиться от избытка энергии, которая не пойми откуда взялась в теле. Но даже этот плавательный ма-

рафон меня не успокаивает.

Когда музыка смолкает, и тренер вместе со стойкой беременных девушек уходит, замечаю, что моя красавица остается в бассейне. Что-то там перебирает в воде, меня по-прежнему не видит. Сколько она там собралась торчать, непонятно, а мне уже давно пора в офис.

Проверяю время на фитнес-браслете, выпрыгиваю из воды, собираюсь в душ. Но не дохожу дотуда — как магнитом тянет в средний бассейн, где все еще перебирает конечно-стями моя красавица.

Ну а что, разве я не могу подойти и поздороваться?

Захожу в бассейн, вижу затылок Мирославы, узнаю ее по забавной желтой шапочке для плавания.

Двигаюсь ближе, а она по-прежнему меня не замечает.

Оказавшись с ней рядом в воде, едва могу себя контролировать, так хочется плотнее прижаться.

— Привет, — говорю хриплым голосом.

Она резко оборачивается в мою сторону.

— Ой, Глеб Викторович! Напугали...

— Извините, не хотел... — тяну со вздохом.

— Вы тоже ходите в этот фитнес-клуб? — спрашивает она удивленно.

— Конечно, — киваю. — Здесь очень здорово. Вам понравилось занятие, Мирослава?

— Да, очень, — кивает она и улыбается.

Тоже лыблюсь, прямо как дебил.

— А отчего не идете домой? Кстати, я мог бы вас подвезти, — тут же предлагаю, хотя мне совершенно в другую сторону.

— Я хотела немного поучиться плавать, — щебечет Мирослава. — Посмотрела несколько видео, вот думаю...

— А хотите, я вам помогу? — ляпаю неожиданно даже для самого себя.

Делать мне, что ли, нечего, кроме как учить ее плавать? Мне вообще-то в офис давно пора. Но все же не могу заставить себя уйти. Меня из этого бассейна и краном сейчас не вытащишь.

— Хочу, — тут же кивает она.

— Давайте начнем с правильного положения рук...

Некоторое время мы стоим в воде, я пытаюсь научить ее азам.

В один момент моя красавица оказывается настолько близко, что случайно касается грудью моего плеча. Я дергаюсь всем телом, резко поворачиваюсь к ней, а она, наоборот, смущенно отворачивается. И в этот самый момент в воду плюхается какой-то десятилетний шкет — со всего размаху ныряет прямо с бортика, хотя нырять тут строго запрещено.

Мирослава взвизгивает, подается назад и касается спиной моей груди. А ее первоклассная попка прислоняется к моему хозяйству, плотно обтянутому плавками.

И все.

Да здравствуют мои шестнадцать лет.

Тогда тоже возбуждался влет от одного девичьего касания. И теперь вся кровь от мозга приливает вниз.

Да что там шестнадцать лет, у меня в жизни не было такого быстрого поднятия агрегата в боевую готовность. Как говорится, в один клик. Чуть плавки не слетели, честное слово. И как прикажете при таком раскладе вылезать из бассейна? Да и не хочу я никуда выходить. Я Мирославе под купальник руку запустить хочу.

Мирослава тут же отстраняется, но это не спасает положения.

Нет... не получится у меня ее тренировать.

Что ж я за тренер такой буду, если все мысли исключительно в горизонтальной плоскости? И пары занятий не пройдет, как я засуну ей пальцы в трусы, это в лучшем случае.

Э-э нет, я человек принципов, не привык так просто поддаваться соблазнам. Пусть между мной и Анжелой нет крепких чувств, но я потребовал от нее абсолютной верности, ибо попросту брезгую. Делить половую партнершу с кем-то еще? Нет, это не про меня. Мне будет противно с ней спать, ведь я очень чистоплотен, а жена для меня в первую очередь половой партнер.

Считаю всего лишь честным соблюдать те же условия, какие навязал жене. Да и негигиенично это — совать свой болт куда ни попадя. И три года у меня не было с этим никаких проблем, а тут Мирослава...

Хоть жену меняй, честное слово.

Однако было бы на что менять вообще. Шило на мыло? Содержанку на кукушку-содержанку? Зачем? Не думаю, что Мирослава прячет между ног нечто настолько особенное, что стоило бы подобной рокировки. А даже будь у нее там все сахаром обсыпано, я никогда не женюсь на женщине, которая бросила своего ребенка. И мне плевать, какие у нее были обстоятельства, я даже знать о них не хочу.

Жаль, что все эти размышления никоим образом не успокаивают Глеба-младшего. Стоит как солдат на плацу.

Кое-как беру себя в руки и говорю строгим голосом:

— Мирослава, я думаю, с вашим обучением лучше справится профессиональный тренер, я найму его для вас.

С этими словами отодвигаюсь подальше и выхожу из бассейна.

Знаю, что пожалею. Уже жалею...

Глава 18. Телефонный звонок

Глеб

Насколько важны для человека ритуалы? Для меня, например, очень важны.

Прихожу вечером с работы, ем что-то легкое на ужин, затем запираюсь в кабинете. Усаживаюсь за стол и принимаюсь анализировать все, что успел сделать за день, разрабатываю стратегию на завтра, проверяю, в графике ли я по планам на неделю, месяц, год.

Расписание — прежде всего, без него наступает анархия.

Но каждые два-три дня мое привычное течение жизни нарушает звонок Мирославы.

Просил ее звонить ровно в восемь, но эта девушка потрясающе непунктуальна! Она то и дело норовит нарушить мое расписание. То без пяти меня набирает, то в восемь ноль пять. А иногда вообще звонит в пятнадцать минут девятого.

Прямо как сегодня...

— Здравствуйте, Мирослава, — отвечаю официальным тоном.

Не ругаю, делаю скидку на ее интересное положение.

— Извините, немного задержалась... — лепечет она, даже не потрудившись придумать достойную отговорку.

Но мне, в общем-то, и не нужны ее отговорки. Одного зву-

ка ее голоса достаточно, чтобы я перестал злиться. Чувствую себя домашним псом, которого чешут за ухом, когда она со мной говорит. Мне приятно до одури и хочется, чтобы это никогда не кончалось.

— У меня все в порядке, — отчитывается Мирослава. — Купила продукты из списка, который мне прислал ваш диетолог, ходила на тренировку в бассейн. А, вот еще, была на обследовании. Мне сказали, что все супер...

Я больше не вижусь с ней, я запретил себе это больно-приятное удовольствие. Во избежание соблазнов, так сказать. Мог бы вообще свести все к имейлам с отчетами, но совсем отказаться от общения не могу, слишком пристрастился к этой сладкоголосой сирене.

— Вы достаточно гуляли на свежем воздухе? — спрашиваю деловым тоном.

— Да, конечно, целый час провела в парке, — спешит отчитаться она.

Задаю еще несколько уточняющих вопросов. Стараюсь говорить как можно более официально, чтобы она не поняла, насколько мне важна каждая секунда нашего общения, каждое ее лишнее слово.

Мирослава с охотой отвечает, больше того, за прошедшие три месяца она уже выучила мои вопросы наизусть.

Наверное, она считает меня психом-контролером. Хотя какой я псих? Будь я психом, развесил бы у нее в квартире камеры на каждом углу, следил за тем, что она делает в ре-

жиге реального времени. А так нет. У нее всего одна камера, и то висит в коридоре, к тому же всего лишь делает одно фото любого входящего в квартиру.

Я распорядился, чтобы ее поставили сугубо из соображений безопасности, а вовсе не для того, чтобы проследить, будет ли девчонка водить любовников. Я совсем ее не ревную, нет-нет, просто забочусь о своем будущем ребенке.

— Следующий контрольный звонок через два дня, — напоминаю ей.

— Я позвоню, Глеб Викторович. Хорошего вам вечера. И спасибо за вкусняшки!

Да, я с ней не вижусь, но это же не повод ничего ей не покупать, так? Ну нравится мне слушать, как она благодарит. Новый фетиш у меня такой. У нее тогда тон становится такой теплый, ласковый... Хоть записывай и слушай потом для поднятия настроения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.